МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Кафедра русской и зарубежной литературы

Выпускная квалификационная работа

ИЗОБРАЖЕНИЕ СВЯТОК И РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

Работу выполнил:
студентка 251 группы
направление подготовки 44.03.05
Педагогическое образование
профиль «Русский язык
и литература»
Бурдакова Юлия Анатольевна
_____
(подпись)

«Допущена к защите в ГАК»

Зав.кафедрой: _____

(подпись)

«___» _____ 20__г.

Научный руководитель:

кандидат филологических наук,

доцент кафедры русской и

зарубежной литературы

Воловинская Марина Владимировна

_____

(подпись)

ПЕРМЬ

2018

Содержание

ВВЕДЕНИЕ 3
ГЛАВА 1. НАРОДНЫЕ КАЛЕНДАРНЫЕ ПРАЗДНИКИ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА И СВЯТОК В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ 8
1. 1. Колядование 10
1. 2. Гадания 16
1. 3. Ряжение 20
1. 4. Украшение рождественской ели 24
ГЛАВА 2. ИЗОБРАЖЕНИЕ СВЯТОК И РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА В ЛИТЕРАТУРЕ РОМАНТИЗМА 27
2. 1. Святочные гадания в балладе В. А. Жуковского «Светлана» 27
2. 2. Святки как предмет художественного изображения в рассказе А. А. Бестужева – Марлинского «Страшное гаданье» 30
2. 3. Рождественские мотивы в повести Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» 34
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 37
ГЛАВА 3. ИЗОБРАЖЕНИЕ СВЯТОК И РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА В ЛИТЕРАТУРЕ РЕАЛИЗМА 39
3. 1. Святочные мотивы в романе – эпопее Л. Н. Толстого «Война и мир». 39
3. 2. Святки и Рождество Христово в цикле Н. С. Лескова «Святочные рассказы» 42
3. 3. Десакрализация рождественских и святочных обрядов в русской литературе второй половины XIX века 49
3. 3. 1. Традиция украшения рождественской ели в рассказе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Ёлка» 49
3. 3. 2. Обряд ряжения в драме А. П. Чехова «Три сестры» 51
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 54
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 56
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 59
Приложение 1 67
Приложение 2 71

ВВЕДЕНИЕ

Среди традиционных русских календарных праздников особое место занимают Святки и Рождество, которые стали неотъемлемой частью национальной культуры. Эти праздничные дни до сих пор не утратили своего значения. Они сопровождаются различного рода обрядами, такими как колядование, гадание, ряжение и другими.

Русская литература отразила существующие народные традиции во многих произведениях. В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, А. А. Бестужев-Марлинский, А. А. Фет, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, Н. С. Лесков, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. П. Чехов, Л. Н. Андреев, И. С. Шмелев и другие писатели посвятили Рождеству и Святкам немало страниц. Многие из писателей отразили обряды и ритуалы в традиционных жанровых формах. Кроме того, в литературе сформировался специфический жанр святочного рассказа, предпосылками становления которого было появление журналистики, развитие газетной продукции.

Святки и Рождество становятся предметом изображения как в романтических произведениях, так и в текстах, созданных в рамках художественной системы реализма. Естественно, что эти столь значимые для русской культуры праздники представлены у романтиков и реалистов по-разному, специфика изображения святочных и рождественских дней у тех или иных авторов обусловлена, кроме того, художественной индивидуальностью писателя, жанром произведения, его общим замыслом и другими факторами. Все это убеждает в том, что тема Святок и Рождества в русской литературе заслуживает специального изучения.

Степень изученности темы. В отечественной культурологической литературе специфике народных праздников Рождества Христова и Святок посвящено немало научных трудов, значительная их часть рассматривает историю возникновения обычаев, а также культуру проведения празднеств, менявшуюся с течением времени. Из исследований XIX века следует

упомянуть раннюю работу А. Потебни «О мифическом значении некоторых поверий и обрядов» (1865), в которой проведен сравнительный анализ рождественских и свадебных обрядов у славянских народов. Важное место отводится рождественским и святочным обрядам в книге В.Я. Проппа «Русские аграрные праздники» (1963). Ученый, используя структурно-типологический метод, анализирует составные элементы каждого из праздников, распределяя материал по темам (еда, растительность и т. д.). Исследование посвящено не только Рождеству и Святкам, но и другим календарным праздникам, однако в каждой из семи глав находятся место для описания элементов традиционных обрядов Святок и Рождества Христова. Так в первой главе с точки зрения нашей темы интересен такой аспект, как «Поминальный стол на Святках», во второй – «Козульки на Святках», в четвёртой – «Колядование, овсень, виноградье, щедровки» и т. д. Среди фундаментальных трудов, где важное место уделено святочным и рождественским традициям, нужно назвать научную энциклопедию «Славянские древности: Этнолингвистический словарь», состоящий из 5 томов, изданных в 1995 – 2012 гг., под ред. Н. И. Толстого, правнука Л. Н. Толстого.

Одна из особенностей изучения календарной обрядовой литературы – это интерес учёных к соблюдениям традиций на конкретной территории. Например, рассмотрением фольклорных и культурных традиций Пермского края занимаются А. В. Черных, который посвятил специальную монографию прикамским праздникам и обрядам конца XIX – середины XX вв., Л. В. Тунёва, исследовавшая, в частности, поэзию Святок, К.Э. Шумов, написавший специальную статью о святочных играх Камско-Вишерского междуречья, и другие.

Отдельно бы хотелось отметить работы, посвященные отражению праздников Рождества и Святок в литературе. Так, жанру святочного рассказа посвящены работы Н. Н. Старыгиной, М.О. Захарченко, Е.Ю. Фатюшиной, С. Г. Макеевой, О. С. Михеенко и других. Несмотря на то, что вопрос о

преломлении рождественских и святочных традиций в искусстве не раз становился предметом исследования, специальных работ, где в едином контексте рассматривались романтические и реалистические произведения, посвященные этим праздникам, нам не известно.

Этими фактами обусловлена **новизна** нашей работы. Мы также впервые обращаем внимание на сходства и различия изображения колядования, ряжения и гадания в различных с точки зрения жанровых особенностей произведениях (в балладе, повести, рассказе, романе – эпопее, цикле рассказов, драме).

Целью нашей работы является выявление подходов к изображению Святок и Рождества в русской романтической и реалистической литературе XIX века.

Для реализации этой цели предполагается решить следующие **задачи:**

-изучить специальную культурологическую литературу, раскрывающую суть праздников Святок и Рождества в России, описывающую традиции, связанные с этими праздниками;

-рассмотреть, как в произведениях первой половины и второй половины XIX века изображены интересующие нас праздники;

-сопоставить сцены изображения празднования Святок и Рождества в произведениях, принадлежащих к разным жанрам и родам литературы;

-сопоставить изображение Святок и Рождества в произведениях романтизма и реализма.

Материалом для анализа стали баллада В. А. Жуковского «Светлана», повесть Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством», рассказ А. А. Бестужева-Марлинского «Страшное гадание», роман-эпопея Л. Н. Толстого «Война и мир», цикл святочных рассказов Н. С. Лескова, рассказ М. Е. Салтыкова-Щедрина «Ёлка», входящий в книгу «Губернские очерки», драма А.П. Чехова «Три сестры». Не имея возможности остановиться на всех произведениях русской литературы 19 века, где в той или иной форме идет речь о Рождестве и Святках, мы сосредоточились на различных в жанровом отношении

текстах, позволяющих показать эволюцию восприятия этих праздников в русском общественном сознании. Для выявления творческих принципов писателей предпринят анализ эпистолярных источников, написанных их современниками (Н. В. Гоголем, А. С. Сувориным). Описывая рождественские и святочные традиции, мы основывались не только на работах фольклористов и культурологов, но и на собственных записях, сделанных в Лысьвенском районе Пермского края во время фольклорной экспедиции в 2014 г.

Методология. В работе использован сравнительно-типологический и культурологический методы, а также отдельные подходы, выработанные в рамках теории мифопоэтики. Методологическую базу составили работы В. Я. Проппа, А. А. Потебни, П. В. Шейна, Н. П. Андреева, А. В. Черных, С. Г. Макеевой, О. С. Михеенко, Н. Н. Старыгиной и др.

Объектом изучения в нашей работе являются произведения русских классиков XIX века, изображающие Святки и Рождество. **Предметом** — специфика изображения этих календарных праздников в произведениях.

Научная новизна данной работы заключается в сопоставлении сцен Святок и Рождества Христова в различных произведениях русской литературы XIX века, написанных в романтическом и реалистическом русле. За пределами внимания литературоведов осталось сравнение изображения календарных праздников в романтической и реалистической литературе, которое является основным в нашем исследовании.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что выбранный подход уточняет в наше представление о литературном процессе XIX века.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его основные результаты могут быть использованы не только в школьной программе по литературе при изучении отдельного произведения, но и в рамках ознакомления с культурными традициями и праздниками славян на уроках внеклассного чтения. Также возможно использование материалов исследования в вузовских спецкурсах по взаимодействию литературы и

фольклора.

Апробация работы. Основные положения работы были представлены в докладе на научной студенческой конференции «Молодая филология – 2018: Человек, культура, социум», Пермь, 24 апреля 2018.

ГЛАВА 1. НАРОДНЫЕ КАЛЕНДАРНЫЕ ПРАЗДНИКИ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА И СВЯТОК В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

Прежде, чем перейти к более подробному рассмотрению преломления традиций празднования Святок и Рождества Христова в русской литературе XIX века, обратимся к культурологическим исследованиям, раскрывающим суть этих праздников и детали сопровождающих их обрядов. В частности, к книге Проппа «Русские аграрные праздники», к исследованию Степанова «Народные праздники на Святой Руси», к этнолингвистическому словарю «Славянские древности» под ред. Н. И. Толстого. Обобщив то, что сказано в этих трудах о Рождестве и Святках, дадим краткое описание традиций, связанных с этими праздниками.

На Русь праздник Рождество Христово пришёл вместе с христианством в X веке и стал отмечаться вместе с неславянским праздником Святками. Данный праздник считался многодневным, так как отмечался с конца декабря и всю первую неделю января. С приходом христианства на Русь закрепились точные даты – с 25 декабря (Рождество Христово) до 6 января (Крещение Господне), по новому стилю – с 7 по 19 января. Таким образом, праздник длится в течение 12 дней, из которых шесть дней считаются «святыми», шесть дней «страшными». Святки – это «пограничный» период, во время которого, согласно народным представлениям, активизируется чертовщина, бесы и прочая нечистая сила. Можно сказать, что в этот промежуток времени человек наиболее уязвим, беззащитен.

В быту древних славян время этого праздника имело важное хозяйственное значение. В это время заканчивались все зимние работы, и начиналась подготовка к весне. Это неудивительно, ведь празднование Рождества совпадало с древним языческим торжеством Рождающегося Солнца. Люди старались как можно тщательнее очистить свой дом от ненужного и бесполезного.

Ночь перед Рождеством – самое удивительное время, в этот период

человек прощает обиды окружающим, очищается сам, прося прощение у других. Святки начинались с того, что русский народ пытался защититься от нечисти, скверны, придавая этому большое значение. Чтобы злой дух не проник в дом и не преследовал хозяев, дома тщательно убирались и мылись. Человек замаливал грехи и пытался тем самым приблизиться к Богу, так как в это время Господь охотнее прощает прегрешение.

Важное место в праздновании Святок занимали сходки, на которых обсуждались важные вопросы, связанные с дальнейшим распорядком работ. На этих же собраниях устраивались пиршества, которые могли продолжаться несколько дней. Некоторые кушанья «отдавались» душам предков, богам. Одновременно со сходками устраивались гадания, торги, базары. В это время человек особенно почитает свой дом, очаг. Он старается оберечь его от злых духов, нечисти. Славяне верили, что различные обряды помогут задобрить духов, которые в свою очередь могут повлиять на будущий урожай.

Известны случаи, когда до сих пор в некоторых деревнях сохраняются древние обычаи. В сочельник жилище убирают колосьями, стол и пол застилают свежим сеном, под иконами ставится необмолоченный сноп. Канун Рождества, сочельник – это время окончания строжайшего поста. Сочельник считается днём, когда люди усиленно готовятся к празднованию Рождества Христова. Люди отказываются от пищи до появления первой звезды, даже детям запрещено садиться за стол. Но когда на небе появляется первая звезда, семья усаживает за праздничный стол. Главное блюдо на столе – это, конечно, кутья. Перед тем как сесть за стол, хозяин брал горшок с кутьей и три раза обходил вокруг дома, затем выбрасывал несколько ложек кутьи на улицу, чтобы угостить духов.

Начиналось время «славления» и обильного угощения. Праздничный стол пытались заставить таким огромным количеством блюд, чтобы домочадцы не могли за ними увидеть друг друга. На столе были различные яства: специально изготовленные колбасы, ватрушки различной формы, различные фигурки из колосьев. Люди верили: если заставить стол

различными блюдами, то это повлияет на благополучие в семье в течение всего года. После праздничного «ужина» хозяева оставляли ложки в кутье, чтобы духи могли тоже отпраздновать.

На разных территориях нашей страны готовили определённую обрядовую еду. Так, например, известно о том, что в Чердынском и Красновишерском районе Прикамья люди готовили специальное печенье – козульки [Черных 2015:52]. Разнообразные рецепты приготовления «козулек» можно найти в книге «Русский народный календарь в Прикамье». Ими не только украшали праздничный стол, но и давали играть детям, украшали впоследствии ёлку, одаривали ими знакомых, а также обязательно оставляли в доме несколько штучек до следующего года. Поговаривали о том, что это печенье обладает чудесными свойствами, его можно есть даже спустя год после приготовления. «Козульки» чаще всего изображались в виде козы, что говорит о том, что народ и здесь верил, что приготовление такого печенья может повлиять на будущий урожай, сделает его богатым.

Про Рождество Христово и празднование Святок упоминается неоднократно в древнейших памятниках письменности. Например, в грамоте царя Алексея Михайловича шуйскому воеводе в 1649 г. писалось: «Да на Рождество Христово и до Богоявленного дня собираются на игрища бесовские, да пьяные же ходят по Москве попы и иноки и всяких чинов православных христиане, и бесчинной бранью бранятся, и дерутся, и бьются, кричат и вопят, и без памяти упиваются» [Алмазов 1962:53].

Сейчас мы осветим наиболее значимые для Святок обряды – это колядование, гадания, ряжение и украшение ёлки.

1. 1. Колядование

Колядование – это один из распространенных святочных обрядов. Опираясь на работу Е. Ф. Карского, В. Я. Пропп в труде «Русские аграрные праздники» рассказывает о нескольких возможных толкованиях слова «коляда»: оно связано и с мифологией солнца, и со старинным славянским

божеством весны [Пропп 1995:45]. Сейчас известно, что данное слово происходит от латинского «calare» - выкликать. При колядовании люди распевают особые песни, колядки. Чаще всего у колядок нет определённого автора, её авторы – дети и взрослые, мужчины и женщины, простой народ.

После крещения Руси в X веке, церковь связала колядование с евангельским мифом о появлении вифлеемской звезды, возвещающей рождение Христа. Теперь языческое колядование стало частью христианских традиций.

Обряд колядования сопровождался песенками, которые имеют три названия по припеву, выкликаемому колядовщиками: колядки («Ой, Коляда!»), овсени («Ой, Овсень – Таусень!») и виноградья («Виноградье, красно – зелено моё!») [Пропп 1995:47]. При прочтении текстов песенок может показаться, что коляда – это некое славянское божество, однако этот вывод неверен. «Колядой» может быть и само название праздника, и подарок, который получают колядовщики за свои песенки. Слово «коляда», по исследованиям В. Я. Проппа, отсутствует в центральной полосе и в Поволжье нашей страны. На помощь ему приходит «овсень», которое менее распространено в отличие от слова «коляда». Овсеневые песни по своему типу существенно от колядок не отличаются, только на их фоне звучат менее выразительно и ярко. В северных регионах большее распространение имеет припев «виноградье», который приходит на смену «коляде» и «овсеню». Так в книге А. В. Черных «Русский народный календарь в Прикамье» упоминается бытование «виноградье гаркать» в Косинском районе, или «кликать виноградье» в Чердынском уезде [Черных 2015:44]. Как известно из исследований, «овсень» и «виноградье» на одной территории не могли встречаться, а вот «овсень» и «коляда» или «коляда» и «виноградье» могли смешиваться или совмещаться. Например:

Проходила коляда

Наперед Рождества.

Виноградье красно-зеленое мое!

Напала пороша

Снегу беленького;

Как по этой по пороше

Гуси-лебеди летели,

- Коледовщички,

Недоросточки,

Недоросточки,

Красны девушки

Сочили, искали

Иванова двора [Пропп 1995:50].

Колядки пелись для того, чтобы пожелать хозяевам богатства, плодородия, благополучия, счастья, здоровья. Тексты некоторых колядок содержат в себе элементы величания, в них хозяин дома предстаёт богатым и благополучным главой семейства. Колядки величального типа имеют обобщённый характер. Другая составляющая колядок – это просьба об угощении или награде. В некоторых колядках эта тема является единственной, отсутствует величание хозяина дома. Также может присутствовать в колядках описание того, как поющие долго искали этот дом, заблудились, но в итоге нашли его. И теперь хозяин просто обязан дать вознаграждение гостям.

Чаще всего колядке свойственна следующая композиция [Пропп 1995:50-55]:

1) Обращение к Коляде, поиски её колядовщиками. Парни и девушки поют о том, как долго искали дом, что пришли издалека.

2) Величание, описание обряда или просьба о вознаграждении. Как правило, эта часть самая большая, именно от неё зависит, получат ли колядовщики награду от хозяев дома или нет. Дом хозяев принято было описывать как богатый, огромный, словно это вовсе не дом, а боярский двор или дворец. Наивысшей формой восхваления является сравнение хозяина, его жены и детей с тремя светилами – солнцем, месяцем и звёздами. Здесь

прослеживается остатки культа поклонения солнцу.

3) Пожелание благополучия, просьба о подаянии. После величания хозяина дома следует требование подарка в шуточной форме. В заключительная части колядки, поющие желают хозяину дома то, что действительно важнее любого богатства – это здоровье, достаток, хороший урожай. Иногда вместо пожеланий звучат и угрозы в адрес того, кто осмелиться не дать вознаграждения колядующим.

Колядовщики изображали души умерших близких людей, которые приходили в гости к родственникам. Отсюда и прослеживается та власть, которую колядовщики имели над теми, к кому пришли: хозяева были обязаны отдать им угощения, а взамен получить гарантию того, что души умерших помогут им в предстоящих полевых работах, обеспечат их урожаем. В текстах колядок нередко употребляются предметы крестьянского быта, такие, как двор, еда, рожь, зерно, печь и др. Они помогают возвысить хозяина дома и его двор, таким образом заполучив долгожданные угощения.

Приведем несколько примеров:

Как ходила каледа окануне рожества.

Как искала каледа Николаева двора.

Как пришла каледа к Николаю на двор.

Николаев-он двор, он не мал, не велик:

На семи верстах, на восьми столбах.

На восьми столбах, на высоких кораблях.

Столбы точеные, позолоченные.

А вокруг его двора железный тын.

На каждой тычинке по земчужинке.

Посреди его двора три терёмы стоят.

В первом терему — красно солнышко,

А в другом терему — месяц-батюшко,

А в третьем терему — часты звёздочки.

Светел месяц — то хозяин во дому,

Красно солнышко — то хозяюшка его,

Часты звёздочки — малы детушки.

Не дари ты нас, хозяин, не рублём и не полтиной!

А если дашь пирога — полон двор живота!

Тебе триста коров, полтораста быков!

На реку они идут — все помыкивают,

А с реки они идут — все поигрывают! [Жекулина 1989:53].

***

Ой, пришла Коляда!

Накануне Рождества,

Дайте коровку,

Масляну головку!

А дай бог тому,

Кто в этом дому,

Ему рожь густа,

Рожь ужиниста;

Ему с колоса осьмина,

Из зерна ему коврига,

Из полузерна – пирог.

Наделил бы вас господь

И житьём, и бытьём,

И богатством,

И создай вам, господи,

Ещё лучше того! [Русский фольклор 1936:45].

О том, что колядование до сих пор сохранено в деревнях и сёлах, подтверждают данные, собранные в ходе фольклорной практики студентами филологического факультета ПГГПУ в 2014 году в Лысьвенском районе Пермского края:

«-Распространены ли у вас колядки? (Соб.)

- Коляда,колядаа,

На кануне Рождества,

Мы ходили, мы искали,

Свя-ятую коля-яду

Мы нашли коляду

А вот в этом двору

На семи верстах

На восьми столбах,

-там чё-то постучали, эй хозяева, чё- то, выходите, угощение несите,

А ещё ждите гостей

Да со всех волостей

А тот первый-то гость, там перечисляете,

А второй-то гость, там его

Всех перечисляете. (Информант: Нестеренко Людмила Ивановна (не местная), 45 лет, с. Матвеево)».

Интересен тот факт, что не только старшее поколение отзывается на вопросы и вспоминает различные колядки, но и совсем ещё дети. Так информант Тарасова Вероника, 11 лет, из п. Кормовище пропела песенку, в которой содержатся требования к хозяевам дома:

«Коляда-Коляда,

Открывайте ворота.

Приносите петуха.

Если нету петуха,

Приносите курицу.

Если нету курицы,

Приносите пятачок!»

В с. Кын – Завод местная жительница Кокшарова Людмила Евгеньевна, 1963 г.р., помимо различных колядок рассказала студентам, в числе которых были и мы, как реагируют колядовщики на отказ пустить их в дом: «Если вдруг хозяева не открывают двери и не хотят этих колядовщиков пускать к себе поплясать, потанцевать и послушать их частушки они это вроде бы как

тоже им положено, они очень сердятся, они начинают хулиганить, что они делают? Или они размазывают ворота чем-нибудь <…> вот у нас поленница, видите? <…> Самое неприятное, что они разбрасывают все поленницы, ну вот такое хулиганство. Такое вот зло как бы. Знаете, вот, конечно, с одной стороны опять же всё так перемешано у нас. С одной стороны, вот как вроде бы, как они играют зло, в злого-злого существа, да. Это Коляда языческое божество какое-то, то есть вот, если вы мне не сделаете, то я вам вот зло принесу, и действительно иногда они женщин в снег кидают, отбирают ведра с коромыслами, снегом закидывают…»

1. 2. Гадания

Очень важной частью Святок было гадание. В чем суть этого ритуала? Рассмотрим этимологию слова: исследователь М. О. Захарченко связывает его происхождение с санскритским gad – исследовать или gadam – испытывать [Захарченко 2008:75]. Отсюда можно вывести определение, что гадать – значит, исследовать то, что нам неизвестно, и попытаться это разгадать, пройдя какое-то испытание. Гадание является языческим ритуалом, но на Руси не только не исчезает, но и становится сложнее, обрастая новыми элементами, тонкостями. Время для гаданий выбирают особое, Новогоднюю ночь или Крещенский сочельник, которые входят в период «страшных вечеров». Как мы знаем, Святки - время разгула нечисти, демонов, которые активизируются на протяжении «страшных вечеров». Гадают обычно ночью или за полночь. Места для гаданий выбирают либо переходные (перекрёстки, пороги), либо те, которые считались «нечистыми» (бани, кладбища, реки). Издавна народ на Руси хотел предвидеть будущее.

Подблюдные песни при помощи иносказаний и символов гадающим сулили богатство, благополучие, удачное замужество, или наоборот. По своей функции подблюдные песни обладали гадательным, а не заклинательным характером, однако концовка песен, заклинающая судьбу, сближает их с заговорами и колядками, имеющими значение магического воздействия.

Гадание с пением подблюдных песен проводилось в несколько этапов: каждая девушка за столом (их должно было быть не более десяти человек) отдавала какой-то свой предмет (обычно – кольцо), потом этот предмет клали в блюдо с водой, накрывали рушником и пели песенку, сулящую счастье, скорейшее замужество и пр. Когда пение песенки подходило к концу предмет вынимался из блюда, и та, чей предмет это был, узнавала свою дальнейшую судьбу. Как уже было сказано, чаще всего клали в блюдо именно кольцо, т.к. оно имеет круглую форму, может соотноситься с Солнцем, символизирующим гармонию, бесконечность. Если кольцо кем-то подарено, то оно имеет связь между дарящим и одаряемым.

Темы подблюдных песен в своей основе одни и те же. Молодые девушки хотели побыстрее распрощаться с девичьей жизнью и выйти замуж, об этом и пели.

Например, таков текст подблюдных песен, которые сулили счастье:

На печи звезда

Высоко взошла.

Кому вынется,

Тому сбудется,

Не минуется.

Слава! [Жекулина 1989:99].

***

Заинька-ковыляинька,

Слава те!

Ковылять тебе

На чужу сторону!

Слава те!

Кому кольцо вынется,

Тому сбудется,

Не минуется [Славянские древности: Этнолингвистический словарь 2009:95].

Самое распространенное гадание, которое популярно до сих пор, можно условно назвать «гадание на будущее с чашками». Напомним его суть. Для гадания потребуется несколько чашек, соответствующих количеству гадающих. В чашки кладут кольцо, монету, хлеб, сахар, лук, соль, в последнюю чашку наливают немного воды. В данном гадании могут участвовать как девушки, так и юноши. Но чаще всего, конечно же, стараются предугадать своё будущее с помощью гадания девушки. Каждый из гадающих с закрытыми глазами по очереди выбирает чашку. Предсказания, как правило, рассчитаны на один год. Вот, что каждая вещь может предсказать гадающему: кольцо – к свадьбе, монета – к богатству, хлеб – к достатку, сахар – к веселью, лук – к слезам, соль – к несчастью, чашка с водой – к жизни без особых изменений.

Учёные предпринимали попытки систематизации существующих гаданий. Например, А. Потебня классифицировал гадания в зависимости от задействованных в них предметов.

Предмет имеет зашифрованный смысл, который будет являться ответом на вопрос гадающего. Мы остановимся только на некоторых. Самыми простыми гаданиями являются те, в которых используется обувь. Обувь здесь не просто элемент одежды, это знак классовой принадлежности [Потебня 1865:5]. Чаще всего обувь используется в гаданиях, которые сулят возможное будущее замужество. Девушки поздно вечером выходили на улицу и бросали валенок через забор, куда покажет носок – оттуда и стоит ждать жениха. Если обувь терялась или портилась, то это символизировало беду, одиночество. Использование во время гаданий огненных символов, таких как огонь, свечи, растопленная печь, должны были сулить обогащение, плодородие, успех в начинаниях. Наравне с огнём в гаданиях применяли и воду, которая олицетворяет собой восстановление, обновление и очищение. Отсюда и традиция народа окунаться в Крещение в купели, смывая с себя все грехи, словно возрождаясь заново. В обязательном порядке должны были искупаться ряженые, чтобы смыть с себя все грехи, в том числе и те, которые

совершили во время праздничных гуляний, посиделок, переодеваний. Таким образом, все, кто участвовали в святочных гуляниях, метафорически ставили крест на связях с нечистой силой.

В. Смирнов в книге «Народные гадания Костромского края» расположил гадания по методу их исполнения (три больших группы: гаданья механические, интуитивные и спиритические), всего в книге приведены примеры 521 гадания [Смирнов 1927:25]. Большинство гаданий основано на принципе жребия, в чём мы можем удостовериться из примера, приведённого выше. Чаще всего в таких предсказаниях нет проигравших или победивших, каждый получает свою награду. Сюда же относится предсказание с выливанием растопленного воска в холодную воду. Воск застывает и становится определённой картинкой, которую гадающий может истолковать по – своему.

Как уже говорилось ранее, гадания и до сих пор являются излюбленным занятием молодых девушек. Девушки могли гадать в любое время года, но особенно – на Святки. Съездив в фольклорную экспедицию в Лысьвенский район, мы подтвердили наши предположения. В п. Кормовище информант Нестеренко Л. И., 45 л., рассказала немного о соблюдении обычаев: «-А вы лично гадали? (Соб.) - Ну гадали. Снег мешали палкой, снег скрипел. Потом ложились на перекрёсток 3х дорог. В бане вот мы не гадали. Я лично не знаю. В баню же, мы были раньше, все боялись всех. Конечно, в вашем возрасте мы верили… Пойдёшь в баню – тебя там черти утащат. Верили и верили, и боялись (Нестеренко Л. И.)». В п. Кын – Завод Кокшарова Людмила Евгеньевна, 1963 г.р., с большим удовольствием поделилась своими наблюдениями: «-А вы гадаете или гадали? Расскажите, пожалуйста. (Соб.) – Девчонки, конечно, гадают, конечно, гадают они на чертиков, потом рассказывают «ооой, а он же это услышал меня, он там застучал, забренчало». <…> все это тоже девочки балуются, хотя по тем же христианским правилам нужно быть очень осторожной, и в какой-то определенный период тоже это есть какие-то ограничения. Варежки кидают

на суженого ряженого. Хочется же узнать. Кладут ключик под подушку, и во сне вот должен кто-то там присниться, кто вот этот ключик возьмет или принесет. На зеркальце на это на 12 коридорчиков. Тоже, наверно, знаете, да. Вот у девушки все на суженых. Еще как-то надо выйти на перекресток 3 или 4 дорог и послушать, что откуда слышно там, ну вот мало ли что услышишь. Бубенчики услышишь, значит приедет скоро. Если что-то там другое услышишь, ну каждый свои фантазии интерпретирует эти звуки…». Таким образом, можно утверждать, что гадания привлекали внимание девушек не только прошлых столетий, но и девушек, живущих сейчас.

1. 3. Ряжение

Ещё одним типичным святочным ритуалом является ряжение. Ряжение состоит в том, что участники гуляний надевают на себя маски, веселят или пугают окружающих. Маска - это символ преобразования, изменения и одновременно какое-то сокрытие секрета, тайны. Благодаря маске человек может предстать перед окружающими совершенно в другом образе - человека, зверя или вовсе мистического существа. В таких игращах участвуют в основном молодые парни и девушки. На масках чаще всего изображали таинственные силы, существа, в которые верили сами люди – это водяной, ведьма, чёрт, кикимора, леший. Таким образом, молодые люди хотели побороть не только какой-то страх перед этими существами, но и посмеяться им прямо в лицо, высмеять. Слово «личина» - одна из вариаций слова «маска», обозначает «лицемерное поведение, притворство» [Снигерев 2011:180]. И, скорее всего, молодые ребята примеряли на себя личины, атрибуты нечистой силы, которые не имели постоянного облика. Примеряя на себя образ, лицо того или иного существа, они старались произвести обратное действие, не поклоняться ему, а откреститься от него. Маски создавались из подручных средств: дерева, тканей, бумаги. Каждый самостоятельно разукрашивал маску, а перед тем как её надеть, лицо мазал сажей. Верхнюю одежду в основном носили наоборот, шубу надевали правой

стороной наружу. Также молодые люди нередко с собой брали маски животных, которые надевают на шесты и ходят с ними по деревне. Этот ритуал напоминает больше языческий, когда люди насаживали головы животных, которых привели в жертву богам, на шест. Обычно брали и носили с собой маски нескольких животных, среди которых обязательна была маска козы – наиболее архаическая. Вот известна такая типичная песенка:

Где коза ходит -
Там жито родит,
Где коза хвостом -
Там жито кустом
Где коза ногою -
Там жито копною
Где коза рогом -
Там жито стогом [Шейн 1887:98].

Этот образ больше распространён на Украине и в Белоруссии [Славянские языки: Этнолингвистический словарь 1999:522]. Коза с давних времён является символом плодородия и богатого урожая, стоит вспомнить о «роге изобилия», который принадлежит кормилице древнегреческого бога Зевса. В России же вместо козы использовали лошадь. Как правило, в игры с лошадью вступало несколько человек, действие разворачивалось в большинстве на тему купли – продажи лошади, а также осмотра других лошадей хозяина, т.е. девушек, которые тоже участвовали в игрищах. Ещё одна маска, участвовавшая в гуляниях и которой приписывалось также плодородие, - это маска быка [Чичеров 1957:200]. Остальных животных использовали больше для того, чтобы повеселить себя и окружающих, так, например, частым гостем в таких гуляниях был медведь, который поражал своей величиной, но при этом оставался неуклюжим и косолапым.

Ещё один вид переодевания, который больше был распространён в Европе, - это обличение парней в девушек и наоборот. Так, например, молодые парни переодевались в девушек, разрешали за ними ухаживать

другим парням, а потом последних высмеивали. О причинах такого переодевания достоверно ничего неизвестно, но, возможно, здесь таится простое желание человека «побыть в чужой шкуре», а потом это превращение преподнести с юмором.

Хождение ряженых не считается обрядовым действием. Переодевание, использование масок, пение песен – это игра, которая носит шуточный характер. Многие из исследователей (И. М. Снегирев, П. С. Ефименко, А. А. Макаренко и другие) подробно описывают процессию, которую совершают ряженые. Как правило, молодые люди заранее собираются, мастерят маски. Когда наступает день увеселений, то приходят в дом, где уже для каждого приготовлены маски, надевают их, переодеваются, берут мешки и идут по деревне, выкрикивая песенки. Дальше ряженые заходят в дома, продолжают пения, танцуют, гадают, получают награду за своё веселье и уходят в следующий дом. Ходят, пока не наскучит или пока не обойдут все дома в округе.

Исследователи Т. И. Кимеева и П. В. Глушкова отмечают, что на территории Кемеровской области были популярны переодевания в покойников. В отличие от других ряженых, покойники ходили по деревням в одиночку, усиливая страх людей перед потусторонними силами. «Костюм его состоял полностью из белого одеяния, с ног до головы» [Глушкова 2015:118]. Известны также случаи, когда забавы с покойником проходили совместно с ряжеными: его шуточно отпевали, а в самый неожиданный момент мертвец должен был выскочить и напугать окружающих. Иногда во время такого отпевания парни просили девушек целовать усопшего, а он в это время их пытался ущипнуть. При ряжении существовала опасность, что человек не вернётся в своё привычное тело, не станет тем, кем был до переодевания. Так народы Бурятии, по словам исследователя Е. Л. Тихоновой, верили в то, что тот, кто изображал покойника будет «будет схвачен уже настоящими покойниками в лесу, утащен и отдан во власть дьявола» [Тихонова 2017:220].

Подробно про ряжение на территории Лысьвенского р-на, Пермского

края мы узнаём из общения с местной жительницей п. Кын – Завод, Кокшаровой Л. Е., 1963 г.р.: «- Скажите, пожалуйста, соблюдаете ли вы какие-то обряды с переодеванием во время святочных гуляний? (Соб.) - Вот, наверное, знаете сейчас мне…что вот я вспомнила, наверное, вам будет интересно колядование. Дело в том, что у нас до сих пор вот какие-то где-то в год от года нет –нет и колядовщики, как мы их тут говорим, ходят ведь под Рождество, хотя уже видите у нас и христианские такие обычаи не укореняются, это неправильно сказать, потому то вера только возрождается сейчас, а вот такие обряды они очень крепко сидят. У нас даже дети, школьники и не ради вот развлечения даже входят вот это как это сказать в раж что ли. И вот они по-настоящему, что они делают. Значит, нужно обязательно переодеться во что-нибудь такое пострашнее, например, шубу вывернуть ту мохнатую мехом наружу, они размалевывают себе лица пострашней естественно и желательно, когда уже солнышко зайдет, ну зимой оно рано заходит и желательно еще, чтобы месяц ядреный и морозец ядреный, да и они ходят по домам (Кокшарова Л. Е.)».

С перевоплощением связаны традиционные игры, которые затевали молодые люди во время Святок. Некоторые игры могли проводиться не только в эти праздники, а есть те, которые типичны для Святок. Мы рассмотрим последние. В таких играх принимали участие только молодые люди, которые не успели ещё выйти замуж или жениться, т.е. холостые и от семьи свободные. Из некоторых исследований мы узнаём о том, что такие игры ещё называли бесовскими, потому что во время их проведения допускались вольности по отношению к другим участникам. Но такой характер больше относится к традиции европейской, нежели к нашей. Распространены были игры, имитирующие важные события в жизни каждого человека: свадьбу, рождение ребёнка, потерю близкого человека, похороны. Если учесть, что участниками данных игр были молодые люди, то, чаще всего, они выбирали игры, которые могли принести положительные эмоции и развеселить всех. Поэтому популярностью пользовалась имитация

бракосочетания: могли парни жениться на девушках, девушки между собой или на парнях. Существует игра «Женитьба Терешки» [Шейн 1887:99], которая проходит только во время Святок. Во время неё играют свадьбу несколько пар, их количество может быть до 10. Разыгрывается всё так, как и должно быть на настоящем веселье: молодожёны садятся за стол, им приносят множественные угощения, начинается пир, которые плавно переходит в танцы, игры и пр.

Бытовали и другие игры, которые по характеру можно назвать страшными. Эти игры проделывали молодые люди по отношению к тем сельчанам, которых недолюбливали, или кто был замечен в связях с колдовскими силами. Например, заливали водой ворота, чтобы невозможно было открыть; в печную трубу накладывали сено, и печь начинала дымить и т.д.

1. 4. Украшение рождественской ели

Последний обычай, который хотелось бы освятить – это украшение ёлки. Данная традиция зародилась не на Руси, как кажется, а в древнегерманских племенах. К деревьям, в частности к ели, в разные времена относились различно. Самым почитаемым деревом на Руси издавна считалась берёза, поэтому становится необычен тот факт, что центром рождественских гуляний становится ель. Можно предположить, что это связано с тем, что данный праздник приходит на Русь только в X веке, хотя его празднование по некоторым источникам относится к середине IV века, когда в Римской империи Рождество стали соотносить с культом Солнца. Поэтому русскому народу ничего не оставалось, как перенять некоторые традиции других народов, со временем их переосмыслить и видоизменить.

Народы верили, что в вечнозелёных елях живёт дух растительности, который сможет повлиять на урожай хлеба, плодов. Поэтому к украшению ели относились с особым трепетом и осторожностью: нужно было уметь правильно задобрить духов, донести до них свои просьбы. Раньше ёлки

украшали прямо в лесу, позже их стали приносить в дом и наряжать. Поначалу их украшениями служило то, что было под рукой: овощи, фрукты, печенье.

Во многом причинами переломных событий стали петровские указы конца XVII – начала XVIII веков, которые положили начало в том числе и традиции облагораживать город хвойными деревьями в период рождественских гуляний. К сожалению, не все европейские обычаи могли мгновенно прижиться на русской почве, поэтому обычай устанавливать рождественскую ель в это время берёт своё начало. Постепенно с развитием экономических отношений в России ёлки стали украшать игрушками, различными сладостями, конфетами, и было это связано уже с празднованием Нового года. Были известны случаи, что в XIX в. традиция с ряжением рождественской ели отсутствовала. Когда празднование Нового года не было ещё так почитаемо, как празднование Рождества, люди ставили и украшали именно рождественскую ёлку, символ неувядающей жизни. Хотя, вспоминая народные обряды славян, мы знаем, что ель связана с похоронно – поминальными ритуалами, отсюда возникают противоречия. Из исследований В. Я. Проппа мы узнаём о том, что в Западной Европе, внося зимой зелёную ель, люди верили в то, что дерево не поддаётся зимней смерти и, следовательно, имеет обрядовое значение, становится принимаемым церковью. В XX веке ель рождественскую сменяет ель новогодняя, и по сей день в России принято украшать именно её, забыв о первоисточниках традиции. Примерно во второй половине XX века становится популярным «устройство новогодних ёлок для детей сотрудников учреждений и промышленных предприятий» [Душечкина 2002:220].

Православная церковь придавала и придаёт Рождеству Христову большое значение, так как оно по учению церкви является второй Пасхой. Ещё Рождество называют «матерью всех праздников», наше летоисчисление ведётся именно от рождения Христа.

Рождество Христово является любимейшим праздником русского

народа. Это проявляется во многом, в том числе и в том, сколько возведено храмов и монастырей в честь данного праздника. В любом крупном городе есть храм Рождества Христова: в Екатеринбурге, в Саратове, в Красноярске, в Москве и др.

Об отношении к Святкам и Рождеству Христову мы можем наблюдать не только из культуроведческих источников, но и из русской литературы. Об этом мы подробнее поговорим во второй и третьих главах.

ГЛАВА 2. ИЗОБРАЖЕНИЕ СВЯТОК И РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА В ЛИТЕРАТУРЕ РОМАНТИЗМА

2. 1. Святочные гадания в балладе В. А. Жуковского «Светлана»

Интерес к фольклору, народным обычаям и традициям — одна из важных черт романтической литературы в целом и русского романтизма начала XIX века в частности. Основоположником русского романтизма традиционно считается В.А. Жуковский. С анализа его баллады «Светлана» мы и начнем исследовать подходы к изображению святочных и рождественских традиций в русской литературе.

Баллада была написана в 1808 – 1812 годах и напечатана в двух номерах журнала «Вестник Европы» (1813). Она посвящена Александре Андреевне Воейковой (урожд. Протасовой), крестнице Жуковского, и преподнесена ей в качестве свадебного подарка. В начале баллады мы видим юную девушку Светлану, погруженную в тревожные раздумья о своём женихе, от которого «вести нет», и пытающуюся предугадать свою судьбу. Немаловажную роль играет здесь символика пути, ассоциирующегося у нас с жизнью человека. Откликнувшись на таинственный зов внезапно возникшего жениха, Светлана отправляется в опасную дорогу. Обязательными атрибутами пути являются препятствие и перепутья, которые могут приводят главную героиню к пониманию высших ценностей. Действие происходит на границе дня и ночи. Мы ощущаем атмосферу таинственности, благодаря образам степи, луны, сумрака, воронов, накликающих беду. Войдя в занесенную снегом избушку, Светлана видит своего жениха в гробу, но все это оказывается лишь сном. Как мы знаем, в итоге героиня обретает счастье, жених возвращается домой, и их ожидает свадьба.

Основное действие происходит в крещенский вечер, последний день святочных гаданий. Это не случайно: внутренний мир Светланы связан с народными обычаями. Героиня грустит о женихе, поэтому хочет просить у Бога помощи.

Подружки советуют Светлане погадать:

«Загадай, Светлана;

В чистом зеркала стекле

В полночь, без обмана

Ты узнаешь жребий свой:

Стукнет в двери милый твой

Легкою рукою;

Упадет с дверей запор;

Сядет он за свой прибор

Ужинать с тобою» [Жуковский 1984:199].

Мотив гадания появляется в балладе с первых же строк:

Раз в крещенский вечерок

Девушки гадали:

За ворота башмачок,

Сняв с ноги, бросали;

Снег пололи; под окном

Слушали; кормили

Счетным курицу зерном;

Ярый воск топили;

В чашу с чистою водой

Клали перстень золотой,

Серьги изумрудны;

Расстилали белый плат

И над чашей пели в лад

Песенки подблюдны [Жуковский 1984:198].

Гадания в балладе показаны в нескольких видах и формах. Например, первое гадание заключается в том, что девушки снимают с левой ноги башмак (чаще всего – валенок), кидают его за ворота и смотрят, в какую сторону покажет носок - с этой стороны придут свататься. Если носок оказывался направлен на забор, то о замужестве девушке в этом году даже не

стоило мечтать.

В следующем гадании современному читателю могут быть не понятны такие фразы, как "снег пололи" и "под окном слушали" [Жуковский 1984:198]. В "Толковом Словаре" В. И. Даля написано в толковании слова «полоть» такая фраза: "Крупу полоть, очищать, отвевать лузгу на ночвах, потряхивая и сдувая ее" [Даль 1882:273]. Что же делают во время именно этого гадания? Девушки выходят на двор, берут скатерть за края, старушка всыпает снег. Раскачивая скатерть, приговаривают: "Полю, полю бел снег среди поля. Залай, залай собаченька: дознай, дознай, суженый!" [Сказания русского народа 1885:146]. В это время каждая девушка прислушивается, как лают собаки. Хриплый лай означает суженого старика, звонкий - молодого, толстый - вдовца.

«Слушать под окном» - это означает то, что, если мимо окна проезжает свадебный поезд, то он определяет будущее замужество девушки. Если с шумом и криками, то жизнь будет богатой и весёлой, а если едет тихо, то бедной.

Ведущий образ принадлежит, конечно, зеркалу, которое является проводником иного мира. После гадания с зеркалом Светлана видит страшный сон. Также в балладе есть другие предметы и даже животные, которые несут определённые функции и свойства, такие, как курица, чаша, воск.

Например, во фразе "ярый воск топили" [Жуковский 1984:198] слово ярый использовано в значении "огненный, жестокий, сильный, скорый, горячий". Что же делали девушки с воском? Они его растапливали, затем выливали в чашу с водой и пытались из застывших фигур определить своё будущее. Это ещё одно из старинных гаданий, которое распространено до сих пор.

Слова в балладе "кормили счётным курицу зерном" [Жуковский 1984:198] указывают нам на другое гадание: зёрна соответствовали количеству месяцев в году. Курица должна выбрать одно, тем самым, девушка

узнает, в каком месяце выйдет замуж. Так иногда помимо зерна ставили плоский сосуд с водой. Если курица подходила к нему и начинала пить воду, то это значило, что будущий муж девушки будет любитель выпить, и жизнь в доме мужа будет тяжёлой и бедной.

Интересен ещё один обряд святочных гадание – это пение подблюдных песен. К сожалению, в балладе не указан текст песни, которую именно пели девушки. Подблюдные песни сопровождали гадание с блюдом, о котором подробно написано в первой главе нашей работы.

Таким образом, мы видим, что Жуковский достаточно точен в художественном отображении народных традиций, упоминание о святочных гаданиях создает необходимую для автора атмосферу, задает тон дальнейшему повествованию, помогает понять характер и настроение главной героини. Лироэпический жанр баллады не предполагает подробного изображения обряда, однако упоминаемых деталей достаточно для того, чтобы дать представление о том, как проходили святочные гадания. Еще одно художественное изображение ритуала гадания мы видим в рассказе другого знаменитого русского писателя-романтика А.А. Бестужева-Марлинского, на котором мы подробно остановимся в следующем параграфе.

2. 2. Святки как предмет художественного изображения в рассказе А. А. Бестужева – Марлинского «Страшное гаданье»

Рассказ А.А. Бестужева-Марлинского «Страшное гадание» написан в 1830 – 31 гг. Это произведение привлекает внимание уже своим названием, прямо указывающим на то, что речь пойдет о ритуале гадания, имеющем непосредственное отношение к теме нашего исследования.

В основе сюжета рассказа – история о том, как молодой человек, конногвардейский офицер, едет на бал для того, чтобы в последний раз увидеть свою возлюбленную Полину. Добраться до нужно места ему не удалось, и, заблудившись, он попадает на сельские посиделки, во время которых один из молодцев предлагает герою погадать «страшным гаданием,

закляв нечистого на воловьей коже» [Бестужев-Марлинский 2013:30]. Герой соглашается, и они с молодцем приезжают на кладбище, где начинают происходить различные драматические события (бал, свидание, побег, погоня, убийство, смерть), которые впоследствии оказываются сном.

В данном произведении нас интересуют в первую очередь сцены, непосредственно связанные с периодом зимних Святок, которые проходили с Рождественского сочельника по Крещение. Автор очень подробно описывает наряды людей, находящихся в избе: это девушки «в повязках разноцветных, с длинными косами, в которые вплетены были треугольные подкосники с подвесками или златошвейные ленты» [Бестужев-Марлинский 2013:18] и парни «в пестрядинных или ситцевых рубашках с косыми галунными воротниками и в суконных кафтанах» [Бестужев-Марлинский 2013:18]. Благодаря описанию, мы можем понять, что эти люди казаки, т.к. подкосник является одной из составляющих сорочки, головного убора замужних казачек. Дальше повествуется о том, как молодёжь занимается традиционным вечерним занятием в данное время года – гаданием. Перед нами предстают картины двух гаданий:

1) Петуха пускают в круг, в котором были насыпаны «именные кучки овса и ячменя, с зарытыми в них кольцами» [Бестужев-Марлинский 2013:18]. В какую кучку петух клюнет, владелец её узнает о своей неминуемой свадьбе.

2) Чаша, в которой были кусочки хлеба, угля, перстни да кольца накрывались блюдом. В это время все начинали петь подблюдные песни. Песня, упоминаемая в рассказе, соответствует традиционным: при помощи различных иносказаний поющие предсказывают судьбу каждому сидящему:

У красной девицы две радости,

С милым другом совет,

И растворен подклет!

Щука шла из Новагорода,

Хвост несла из Бела озера;

У щучки головка серебряная,

У щучки спина жемчугом плетена,

А наместо глаз -- дорогой алмаз!

Золотая парча развевается -

Кто – то в путь в дорогу собирается [Бестужев-Марлинский 2013:19].

Также упоминается, но подробно не описывается гадание с зеркалом. Один из молодцев рассказывает историю о том, как на прошлых посиделках один парень решил взять у мертвеца саван и переодеться покойником. И здесь мы с лёгкостью узнаём ещё один традиционный святочный ритуал – ряжение. Ряжение считается опасной игрой с нечистой силой, которую, как правило, символизировали те, кто переодевался в неё. Офицера это мало интересует, потому что единственная его мысль о том, чтобы найти человека, который отвёз бы его на бал к князю Львинскому, где он увидит свою возлюбленную Полину. Все попытки уговорить молодцев отвезти его оказались тщетны.

Когда молодец с рыжими усами подговаривает героя на «страшное гадание», тот соглашается с легкостью, т.к. в нечистую силу он не верит («чертей я боюсь ещё менее, чем людей» [Бестужев-Марлинский 2013:28]). Несмотря на то, что он не верит в нечисть, гадания и подобные способы познания мира, он узнаёт своё возможное будущее именно в сновидении: знакомство с лукавым (нечистью, «бес ты или человек?» [Бестужев-Марлинский 2013:38]), убийство мужа Полины, могила вместо брачной постели, смерть. Сон оказывает огромное воздействие на героя, он перерождается, понимает, что то, что он сделал во сне, не должно повториться в жизни. Отсюда слова конногвардейского офицера: «Я дал слово не видеть более Полины и сдержал его» [Бестужев-Марлинский 2013:54]. В рассказе отчётливо виден финал сновидения, пробуждение от сна, но чёткого его начала нет. Автор даёт читателю самому определить, где начинается сон, когда засыпает герой.

Все действия герой совершает во благо одной цели – увидеться со своей любимой. С хронотопом дороги непосредственно связаны препятствия

(блуждания в лесу), которые наталкивают героя на созерцание красоты природы («Угрюмо стояли кругом купы елей, как мертвецы, закутанные в снежные саваны, будто простирая к нам оледенелые руки; кусты, опушенные клоками инея, сплетали на бледной поверхности поля тени свои; утлые, обгорелые пни, вея седыми космами, принимали мечтательные образы» [Бестужев-Марлинский 2013:16]). После преодоления препятствия для героя происходит очень важное событие – встреча с человеком, который помогает ему разобраться в себе и предостерегает от бед с помощью взгляда в возможное будущее. Время автором выбрано неслучайно, канун Нового года, время преображения. Герой сам говорит об этом: «Это гаданье открыло мне глаза, ослепленные страстью» [Бестужев-Марлинский 2013:54].

Лексика рассказа помогает нам понять, что не обошлось и без присутствия нечистой силы, чего-то таинственного и непостижимого. Само действие разворачивается в «канун Нового года чертям сенокос». Чёрное озеро, кладбище, ночь, метель, ветер – образы и символы, которые подсказывают о присутствии потустороннего мира, его обитателей. Так, например, герой знакомится с мужчиной, который внешне имеет вид человеческий, «хотя и не перекрестился перед иконами» [Бестужев-Марлинский 2013:24]. Его появление, поведение, насмешка над всем, злая улыбка не характерна для обычного человека, это замечает сам герой. Незнакомец оказывается в нужное время в нужном месте и отвозит героя на бал к князю, а также знает о всех его тайнах и желаниях. О том, что незнакомец принадлежит миру сакральному, мы узнаем из его диалога с героем: «- Скорей, ради бога, скорей! - вскричал я проводнику, укоротившему бег своего иноходца… - Это имя, сударь, надобно бы вам было вспомнить ранее или совсем не упоминать его» [Бестужев-Марлинский 2013:46-47].

Значимой составляющей рассказа является хронотоп дороги. Герой на протяжении всего произведения находится в пути:

1) когда получает приглашение на бал, он собирается и уезжает;

2) когда идёт на сельское кладбище ради «страшного гадания»;

3) когда соглашается поехать на бал с таинственным незнакомцем.

В этом произведении грань между реальным и фантастическим миром оказывается еще более зыбкой, чем в «Светлане» Жуковского, и время действия — Святочная неделя — выбрано опять же не случайно.

2. 3. Рождественские мотивы в повести Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством»

Повесть «Ночь перед Рождеством» Гоголя, вошедшая в цикл «Вечера на хуторе близ Диканьки», написана в те же годы, что и «Страшное гаданье» А.А. Бестужева-Марлинского - в период с 1830 года до зимы 1831 – 1832 гг.

Данная повесть интересна тем, что в ней есть множество рождественских элементов, которые нас интересуют, упоминания о колдовстве и многое другое.

О рождественских традициях автор говорит с первых строк произведения: «Последний день перед Рождеством прошел. Зимняя, ясная ночь поступила. Глянули звёзды. Месяц величаво поднялся на небо посветить добрым людям и всему миру, чтобы всем было весело колядовать и славить Христа». И здесь же пасечник (Н. В. Гоголь) поясняет: «Колядовать у нас называется петь под окнами накануне Рождества песни, которые называются колядками. Тому, кто колядует, всегда кинет в мешок хозяйка, или хозяин, или кто остается дома, колбасу, или хлеб, или медный грош, чем кто богат. Говорят, что был когда-то болван Коляда, которого принимали за бога, и что будто оттого пошли и колядки. Кто его знает? Не нам, простым людям, об этом толковать. Прошлый год отец Осип запретил было колядовать по хуторам, говоря, что будто сим народ угождает сатане. Однако ж, если сказать правду, то в колядках и слова нет про коляду. Поют часто про Рождество Христа; а при конце желают здоровья хозяину, хозяйке, детям и всему дому» [Гоголь 2001:149]. На самом деле это немаловажно, ведь, как мы уже заметили, значений у слова «колядовать» множество, но в большинстве своём они перекликаются друг с другом. В повести Гоголь приводит текст одной из

колядок. Обращает на себя внимание то, что часть с величанием хозяев дома пропущена, хотя она является важнейшей во всей песне. Автор оставляет только ту часть колядки, где колядующие просят гостинцев. Задабривание хозяев дома словами во многом определяло то, сколько угощений колядующие получат: если произнесут хвалебные слова, пожелают счастливого урожая, то получат достойное вознаграждение, если будут скупы на слова, то ничего не видать колядующим. Вот как звучит эта песня:

Щедрик, ведрик!

Дайте вареник,

Грудочку кашки,

Кільце ковбаски! [Гоголь 2001:164].

Единственное, что стоит пояснить – это слова «щедрик, ведрик». Как оказалось, это песня, которая родилась на Украине и которую поют на праздник, называемый Щедрый вечер. День этот приходится на Старый Новый год, 13 января.

Отразил Гоголь в повести и другую рождественскую традицию, о которой мы говорили в первой главе - мы видим картину того, как мужское население собирается «на кутью». Рассказчик замечает: «будет варенуха, перегонная на шафран водка и много всякого съестного» [Гоголь 2001:150]. Кутья, как мы знаем, с греческого переводится как «вареная пшеница», является ритуальным рождественским блюдом, с которого начинают праздничные кушанья. Даже после посиделок кутью с ложкой обязательно оставляли на столе, чтобы задобрить духов. На улице слышались «колядки и песни веселых парубков и девушек, толпящихся кучами под окнами». Молодёжь не теряет времени зря и ходит по всем домам в округе, собирают и хвастаются «паляницами, колбасами, варениками, которых успели уже набрать довольно за свои колядки» [Гоголь 2001:161].

Получали угощения на свои песни колядующие разные, начиная «паляницами, колбасами, варениками» и заканчивая «куском пирога». «Паленица (паляница) ж. малорос. и пеленица, тамб. булка, калач, пирог (без

начинки), или белый хлеб; вероятно от палить, печь» [Даль 1882:7]. Свои угощения молодёжь ловила и собирала в мешки. И девушки, и парни хотели больше остальных наколядовать, поэтому прибегали к различным уловкам, о чём Гоголь пишет нам: «В одном месте парубки, зашедши со всех сторон, окружали толпу девушек: шум, крик, один бросал комом снега, другой вырывал мешок со всякой всячиной. В другом месте девушки ловили парубка, подставляли ему ногу, и он летел вместе с мешком стремглав на землю» [Гоголь 2001:165].

Как мы говорили в первой главе, ночь перед Рождеством – период активизации нечистой силы, когда человек оказывается не защищён от власти дьявола. На этом убеждении во многом строится сюжет повести. Кузнец Вакула стоит на перекрёстке «того» и «этого» света: для того, чтобы достать черевички он вынужден прибегнуть к помощи чёрта. Но в свою очередь чёрт пообещал, что будет мстить кузнецу за картину в церкви, где Вакула изобразил «святого Петра в день Страшного суда, с ключами в руках, изгонявшего из ада злого духа» [Гоголь 2001:151]. Параллельно развивается другая сюжетная линия, где главными героями являются ведьма и черт. Человек в этот период подвержен испытаниям со стороны злых духов.

Оказавшись «пороговым героем» [Волоконская 2013:26], кузнец выходит из данной ситуации победителем. Как заметил исследователь С. А. Гончаров: «в каждом случае, когда гоголевский персонаж выходит за собственные пределы…когда он направлен вовне, он обречен на катастрофу» [Гончаров 1997:159]. Мы видим, что Вакула не только смог слетать на чёрте в Петербург, но и вернуться целым и невредимым. Возможно, ему в этом помог тот факт, что его мать является ведьмой. Когда Оксана спрашивает его, правда ли то, что его мать ведьма, он ей отвечает такими словами: «Что мне до матери? ты у меня мать, и отец, и все, что ни есть дорогого на свете» [Гоголь 2001:155]. С другой стороны, кузнец неоднократно назван «набожным», «благочестивым», «богобоязненным». Как известно из повести, он дважды расписывает церковь. Он выступает здесь не только в роли праведника, но и

оказывает некое сопротивление потусторонним силам и изгоняет их.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ

Проанализировав балладу «Светлана», повесть «Ночь перед Рождеством» и рассказ «Страшное гадание», мы можем сделать предварительные выводы. В проанализированных нами произведениях писателей первой половины XIX века герой сталкивается с жизненными обстоятельствами, которые побуждают его к совершению решительных действий. Так Светлана, не знавшая о судьбе своего жениха больше года, начинает гадать, чтобы узнать весть о любимом. Кузнец Вакула для того, чтобы завоевать сердце непреступной красавицы Оксаны, отправляется в Петербург за черевичками. Офицер из «Страшного гадания» отправляется на бал, чтобы повидаться со своей возлюбленной Полиной. Каждый из героев решается на тот или иной поступок ради любви: герой Бестужева – Марлинского ищет встречи ради последнего свидания, а кузнец Вакула напротив только пытается обрести взаимности.

Стоит отметить, что в каждом произведении действие разворачивается в период Святок. Для Святок характерно соблюдение народных обычаев. В «Светлане» и «Страшном гадании» мы становимся свидетелями того, как народ гадает (в «Светлане» только девушки, у Бестужева-Марлинского – как девушки, так и парни). Также в этих произведениях мы наблюдаем за пением подблюдных песен, которые исполнялись во время гаданий с блюдом. В повести Гоголя упоминания о гаданиях отсутствуют. Зато в «Ночи перед Рождеством» ярко показаны гуляния девушек и парубков, пение песен – обряд колядования. Н. В. Гоголь подробно описывает как проводился этот обряд в Диканьке: как молодые люди ходили по домам, пели колядки и просили угощения у хозяев. С колядованием связан другой обряд – ряжения, когда молодёжь переодевалась в различные костюмы, это могли быть костюмы стариков, животных или нечистой силы. Про ряжение мы

мимолётно узнаём только из разговора молодого человека на сельских посиделках, на которых оказывается конногвардейский офицер из «Страшного гадания». Таким образом, можно сделать вывод о том, что авторы всех трёх произведений хорошо были знакомы с народными традициями, связанными с Рождеством и Святками, воспроизведение которых создают особую мистическую, загадочную атмосферу. С каждым из героев связан мотив дороги, которая символизирует духовный поиск и приводит к нравственному преображению. Балладу «Светлана» и рассказ «Страшное гадание» объединяет мотив сна, причём грань между сном и явью в обоих случаях оказывается размытой. Как мы могли заметить, ещё одной отличительной чертой данных произведений является двоемирие. Принцип двоемирия заключается в том, что в литературном произведении сосуществуют два мира: реальный и фантастический. В «Светлане», «Ночи перед Рождеством» и «Страшном гадании» герои сталкиваются с нечистой силой (мертвецом, чёртом и ведьмой, лукавым). Только в произведениях Жуковского и Бестужева-Марлинского герои соприкасаются с потусторонним миром в сновидениях, тогда как у Гоголя кузнец Вакула является сыном ведьмы и видит чёрта наяву.

В исследуемых нами текстах были выявлены многочисленные символы, присущие для всей русской романтической литературы XIX века: зеркало, вода, месяц, ветер, вьюга.

Рассматривая финальную сцену каждого из художественных произведений, можно сделать вывод о том, что их объединяет счастливая концовка: к Светлане приезжает долгожданный жених, Оксана счастливо живёт с кузнецом, а конногвардейский офицер прозревает и отказывается от безумной любви.

ГЛАВА 3. ИЗОБРАЖЕНИЕ СВЯТОК И РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА В ЛИТЕРАТУРЕ РЕАЛИЗМА

3. 1. Святочные мотивы в романе – эпопее Л. Н. Толстого «Война и мир»

Роман-эпопею «Война и мир» отличает полное, многостороннее изображение жизни в его различных проявлениях. А. Белый писал по этому поводу: «Война и мир» показалась мне огромным зеркальным озером, в которое заглянула сама Россия» [Белый 1912: 145-146]. Поэтому Толстой не мог оставить в стороне такую важную составляющую национальной жизни, как народные праздники. Исследователь А. Балдин утверждает, что это «настоящий роман-календарь, в котором все сколько-нибудь серьезные события происходят на праздники, названные и неназванные» [Балдин 2009:19]. Нас интересует сцена Святок во втором томе романа. Толстой подробно описывает психологическое состояние Наташи, ожидающей князя Андрея (здесь можно провести параллель с героиней баллады Жуковского «Светлана», которая тоже охвачена тревожными ожиданиями). Наташа совершает нелогичные поступки, например, просит слуг принести петуха и овса (вероятно, для гадания), а потом унести их обратно.

Только с приходом ряженых настроение героини меняется, и она тоже включается в игру с ряжением: «старая барыня в фижмах — это был Николай. Турчанка был Петя. Паяс — это был Диммлер, гусар — Наташа и черкес — Соня, с нарисованными пробочными усами и бровями» [Толстой 1987:289]. В ряжении участвуют все: молодые и старые, господа и дворовые: девушки переодевались в парней, парни – в девушек, дворовые – в основном в различных животных. Люди старались переодеваться так, чтобы их никто не смог узнать и разглядеть, в этом заключалось таинство этого обряда. Очень важно, что праздник объединяет слуг и господ (такое единение мы видим и в некоторых других сценах, изображающих семейный быт Ростовых) — таким образом, в частности, реализуется столь значимая для писателя

мысль о необходимости национального единения.

Обычно ряжение сопровождало колядование, когда молодёжь ходила по дворам и пела хвалебные песни хозяевам. Здесь колядование отдельно не показано, но оно проявляется немного в другом виде. Молодёжь дома Ростовых и дворовые собрались ехать в гости к вдове Мелюковой. Дорога, освещенная луной, символизирует не только жизненный путь героев, но и душевное преображение. Так Николай Ростов на протяжении всего пути разглядывал лицо Сони, которое было «новое, милое» [Толстой 1987:20]. Именно после этой поездки он окончательно решает жениться на Соне (хотя, как мы знаем, плану не суждено будет сбыться). На протяжении всего пути Николай рассуждает про себя не только о Соне, но и обо всём том, что сейчас происходит: «и очень странно и хорошо то, что с нами делается» [Толстой 1987:292]. Природа предстаёт перед ним как что-то странное, необычное («волшебный лес»). Лес связан с представлением людей о существовании потусторонних, враждебных сил. Но Николай Ростов вовсе не боится этого леса, мира, ведь он знает, что где-то рядом едет «черкес с усами», которую он любит.

Обряд колядования частично можно проследить в доме Пелагеи Даниловны Мелюковой, когда к ней в дом забегают ряженые. Она пытается угадать кого-нибудь из них, но никого не узнаёт и распоряжается дать угощение для ряженых. Как известно, при колядовании пелись колядки, состоящие из трёх частей: восхваление хозяев, просьба об угощении и благодарность за гостинцы. Здесь колядки не поются, но ряженые (как господа, так и дворовые) традиционно получают лакомства. Хозяева угощают гостей для того, чтобы будущий год был для них богатым на урожай, удачным в домашнем обустройстве и т.д.

Помимо плясок и хороводов, Толстой подробно изображает сцены святочных гаданий. Дома Наташа отказывается гадать, а вот в доме Мелюковых соглашается с удовольствием. Девушки не только собираются сами гадать, но и вспоминают то, что было с другими. Так одна из девушек

рассказывает про гадание с петухом и двумя приборами. К девушке пришёл в человеческом образе офицер и чуть было не унёс с собой, всё обошлось хорошо, так как вернулись подружки и спасли от нечистого. Соня решилась на гадание в амбаре, вот его суть: «пойдут к амбару, да и слушают. Что услышите: заколачивает, стучит – дурно, а пересыпает хлеб – это к добру» [Толстой 1987:295]. Но погадать ей не удаётся - на её пути появляется Николай, и они целуют друг друга. Вместе с Николаем они подходят к амбару и расходятся, о том, что каждому выпало – неизвестно. Ещё в доме Мелюковых неоднократно упомянуты игры «в колечко, в веревочку или рублик» [Толстой 1987:294], в которых участвовали все приезжие и домашние. О данной игре в самом романе больше ничего не говорится, но смеем предположить, что речь идёт об игре «Ниточка». Игра заключается в том, что участники надевают нитку (или верёвку) на пальцы и пытаются образовать различные узоры, запутывая пальцами нить как можно интереснее и труднее.

Возвращаясь домой, Наташа и Соня непрерывно беседовали о своём счастье. Наташа думала только о князе Андрее и любви к нему, а Соня – о Николае. И обе были так счастливы, и веселы, что дорога до дома показалась быстрой. Дома на Наташином столе девушек уже ждали зеркала, приготовленные с вечера для гаданий. Сначала гадала Наташа, но ей ничего не удалось увидеть. Тогда села Соня, которая постоянно что-то видела, но в этот раз и она ничего не заметила, но соврала и сказала, что рассмотрела князя Андрея с весёлым лицом. В. Шкловский утверждает, что Соня «действует по расчету, хотя бы и бессознательному» [Шкловский 1955:279]. Как бы пытаясь устроить судьбу Наташи, хоть и с помощью недомолвок, она сама лишает себя будущего. Хочется отметить: очень странно, что девушки гадали именно дома. Гадание с зеркалом является одним из самых страшных, и обычно местом для его проведения служат «нечистые места», такие, например, как баня.

Необычайно показано состояние природы, которая сопровождает

ряженых по дороге в Мелюковку и обратно. «Свет был так силен и звезд на снеге было так много, что на небо не хотелось смотреть, и настоящих звезд было незаметно» [Толстой 1987:295]. Происходит переворот не только в душах героев (Наташи, Николая, Сони), но и в самой природе. Наступают Святки - время колдовства, шабаша, активизируются тёмные силы. На дворе зима, и поэтому очень много описаний снега. Снег – это двойственный символ, с одной стороны – это замершая вода, источник человеческой жизни и преображений, а с другой – это остановка жизни, отсутствие чувств. После зимы наступит весна, растает снег, и вновь появится источник жизни, всё оживёт. Святки характеризуются переменами, изменениями. Так Наташа говорит брату о том, что ей «совестно быть одной счастливой» [Толстой 1987:297], как будто предчувствует скорую череду разочарований и потерь: прельщение Анатолем, смерть князя Андрея и пр.

Таким образом, проанализировав сцену Святок в романе – эпопее «Война и мир» можно прийти к выводу, что Толстой внимательно относился к народным обрядам, достаточно подробно их изображая. Однако общая тональность сцены значительно отличается от того, что мы видим в произведениях романтиков. Здесь нет никакого мистического колорита, гадания для персонажей больше игра, чем реальная попытка заглянуть в будущее (неслучайно Наташа ничего не увидела в зеркале, а Соня сделала вид, что увидела). Впрочем, если вспомнить дальнейшие события романа, можно соотнести неудавшееся гадание с тем, что союз Наташи с князем Андреем так и не состоится. Важным моментом является также то, что святочный обряд объединяет людей разных возрастов и сословий, выражая любимую мысль Толстого о необходимости национального единения.

3. 2. Святки и Рождество Христово в цикле Н. С. Лескова «Святочные рассказы»

В другом жанре отображает святочные традиции Н. С. Лесков, создавший цикл под названием «Святочные рассказы». Святочный рассказ

своё развитие и распространение получает в начале XIX века и связан с именами многих знаменитых писателей, однако термин «святочный рассказ» в это время еще не приобрел широкого распространения. На протяжении всего XIX века святочный (рождественский) рассказ меняет свои формы, содержательное наполнение, структуру повествования, систему образов. Чаще всего такие рассказы были предназначены для детей: они созданы для того, чтобы научить младшее поколение состраданию, сопереживанию, сочувствию. Такие рассказы, по мнению Н. Н. Старыгиной, становятся «сентиментальными, утопическими» [Старыгина 1992:124]. Именно в данный период святочный рассказ формируется как отдельный жанр литературы со своими мотивами, героями, композицией. Святочному рассказу присуща следующая схема. Его персонажи переживают духовный или материальный кризис, для разрешения которого требуется чудо. Оно может быть реализовано не только как вмешательство высших сил, но и как счастливая случайность, которая трактуется как знак свыше. Часто в структуру календарного рассказа входит элемент фантастики, но в более поздней традиции, ориентированной на реалистическую литературу, важное место занимает социальная тематика.

Изначально, не все произведения Лескова имели соответствующие подзаголовки, указывающие на цикл, в которой они входят. После тщательного отбора в «Святочных рассказах» осталось четырнадцать текстов.

В «Жемчужном ожерелье», которое открывает цикл, Лесков сразу формулирует требования к жанру святочного рассказа: «От святочного рассказа непременно требуется, чтобы он был приурочен к событиям святочного вечера — от Рождества до Крещенья, чтобы он был сколько-нибудь фантастичен, имел какую-нибудь мораль, хоть вроде опровержения вредного предрассудка, и наконец — чтобы он оканчивался непременно весело» [Лесков 1989:4]. Проанализируем предложенное писателем жанровое определение. Он говорит об обязательной приуроченности к народному празднику. И действительно события почти во всех его произведениях

происходят на Святки, под самое Рождество или в Новый год. Другое требование – это фантастический характер рассказа. Под «фантастическим» мы понимаем что-то, выходящее за пределы реального, объяснимого. В каждом из рассказов цикла присутствует фантастическое в большей или меньшей степени, но наиболее яркими примерами для нас будут два произведения: «Неразменный рубль» и «Пугало». Неразменный рубль – это рубль, который люди получают за продажу чёрной кошки в рождественскую ночь на перекрёстке «четырёх дорог, из которых притом одна непременно должна вести к кладбищу» [Лесков 1989:17]. Главному герою снится сон, о том, что бабушка дарит ему такой чудесный рубль и он им расплачивается на ярмарке. Этот рассказ заставляет вспомнить о проанализированных нами во второй главе произведениях романтизма. Герой здесь оказывается за гранью реальной жизни: во сне он делает множество покупок, хотя прекрасно знает то, что если «изведёшь хоть один грош на полную бесполезность - твой рубль в то же мгновение исчезнет». И он пытается совершить такую покупку, захотев купить жилет, который был надет поверх полушубка. Маленький герой искушается желанием сделать ненужную покупку, и это даёт основания предполагать, что в этот момент он переживает внутренний разлад. Герой не знает, как правильно поступить, перед ним встаёт выбор. Дьявол испытывает героя дважды, и даже сам появляется на ярмарке в образе человека, который «очень лукаво улыбнулся» [Лесков 1989:23]. Таким образом проявляется одна из ситуаций, характерных для святочного рассказа – пересмотр жизненных ценностей, нравственное преображение, но об этом мы поговорим подробнее далее.

В рассказе «Пугало» наше внимание привлекает «кровожадный чародей» [Лесков 1989:186] Селиван, который, по поверьям, водился с нечистой силой. Как говорили люди, он и столбом, и кабаном оборачивался, и на погоду как-то влиял. Получилось однажды так, что герой вместе с тётушкой (и шкатулкой с тридцатью тысячами) к Рождеству возвращался домой и попал в снежную бурю. Пришлось заночевать у Селивана, в доме

которого пропала та самая тётушкина шкатулка. В итоге оказалось, что Селиван деньги не брал и даже сам вернул их хозяевам. Таким образом, мы видим ещё одну отличительную особенность святочного рассказа у Лескова: все мистические события разрешаются совершенно правдоподобным образом. И Селиван, которого считали злым волшебником, оказывается вежливым воспитанным мужчиной, которого перестал бояться народ в округе.

О морали мы уже начинали говорить, когда ранее писали про рассказ «Неразменный рубль». Под «моралью» понимается «поучительный вывод (или правила нравственности)». Другое творение Лескова, «Жемчужное ожерелье», тоже соответствует жанровым требованиям святочного рассказа. Автор повествует о том, как брат главного героя решил жениться. Будущая невеста была дочерью богатого, но скупого человека. Отец девушки сделал ей предсвадебный подарок – жемчужное ожерелье, которое оказалось поддельным, на что жених ответил: «я ведь приданого не искал и не просил, я искал одну жену, стало быть мне никакого огорчения в том нет, что жемчуг в ожерелье не настоящий, а фальшивый» [Лесков 1989:14]. Отсюда следует мораль о том, что деньги не являются главной жизненной ценностью. Главное - оставаться богатым душой, а денег может и не быть. В любой ситуации человек должен оставаться собой, не терять собственного я.

Финал таких рассказов, по мнению Лескова, должен быть весел, и это отличает его от произведений зарубежных и некоторых русских авторов. Так, например, в знаменитом произведении Андерсена «Девочка со спичками» финал оказывается трагическим: замерзает «девочка с розовыми щечками и улыбкой на устах» [Андерсен 1992:287]. Показательна в этом плане история, описанная в «Маленькой ошибке». Повествуется об истории московского человека о том, что у его старшей дочери и её мужа, отличающегося атеистическими воззрениями, не было детей. Родители решили им помочь и написали записочку в церковь с просьбой к Богу, допустив досадную ошибку: вместо имени старшей дочери указали имя младшей, ещё незамужней.

Младшая забеременела, и на ней женился молодой художник, «так маленькую ошибку и прикрыли» [Лесков 1989:182]. В данном случае мистические события не находят реального объяснения, но могут быть истолкованы как простая случайность. В любом случае понимание мистического отличается от того, что мы видим в произведениях романтизма.

Большинство рассказов только формально приурочены к Святкам и Рождеству Христову: в «Штопальщике» квартира Василия Коныча сгорает на самое Рождество, это событие порождает ряд последующих действий; в «Отборном зерне» герой встречает Новый год в вагоне и слушает историю одного из двух вошедших пассажиров, так называемого «баритона». Чаще всего, в тексте присутствует главный герой и ещё несколько персонажей, вспоминающих интересные истории. Рассказы делятся на несколько видов: 1) те, в которых рассказ ведётся во время календарных народных праздников (Новый год, Рождество, Святки), однако излагаемые происшествия с ними не связаны (например, в «Жидовской кувырколлегии»). 2) те, в которых действие разворачивается во время праздников (например, в рассказе «Зверь»). 3) те, в которых действие не связано с праздниками непосредственно, однако их сюжет соответствует жанровой модели святочного рассказа (например, в «Привидении в Инженерном замке», «Духе госпожи Жанлис»).

Ещё одну важную особенность святочных рассказов отмечает исследователь Н. Н. Старыгина: это присутствие во многих из них «мотива дарения» [Старыгина 2017:38]. Подарок - важная составляющая праздничных обычаев. В некоторых произведениях этот мотив выполняет сюжетообразующую функцию, например, в «Жемчужном ожерелье», «Неразменном рубле» и «Штопальщике». Подарок – это всегда тайна и загадка, которая может обернуться против того, кто его принимает. Воспользовавшись тем или иным подарком, герои проходят испытания (в первом рассказе – брат рассказывающего, во втором и третьем – главный герой), которые делают их умнее, сильнее, заставляют обдумывать

последующие действия. Дарение может быть не только материального характера, но и иметь какое-то магическое происхождение, как произошло в «Маленькой ошибке».

Так же, как и в рассмотренных нами произведениях романтизма, немаловажное место в рассказах Лескова занимает мотив дороги, который обыгрывается по-разному. Некоторые истории мы узнаём прямо «в дороге», как, например, в «Отборном зерне», «Обмане» и «Путешествии с нигилистом». В «Путешествии…» действие полностью происходит в вагоне поезда, а в первых двух рассказах повествователь, находясь в поезде, становится свидетелем той или иной истории. Иначе мотив дороги раскрывается в «Жемчужном ожерелье» и «Пугале», где герои приезжают из провинции в столицу или наоборот.

Три рассказа из цикла роднятся с произведениями первой половины XIX века и тем, что в них присутствует бесовское, нечистое начало. Это «Привидение в Инженерном замке», «Дух госпожи Жанлис» и «Путешествие с нигилистом». Действие во всех рассказах происходит в полуночное время, когда активизируется нечистая сила. В это время, как мы уже отмечали, человек наиболее уязвим и не защищен от воздействия на него лукавого. Но оказывается, что лукавого вовсе нет, всё разрешается совершенно естественным образом: так выясняется, что подозрительный молодой человек в «Путешествии…» - прокурор судебной палаты, а в «Привидении…» вовсе нет привидений, вместо них есть люди, которые надевают простыни для того, чтобы попугать младших кадетов.

В рассказе «Жемчужное ожерелье» косвенно представлен один из обрядов святочных праздников – ряжение. Отец невесты предстаёт другим человеком, когда дарит дочери фальшивое ожерелье. Он обманывает молодых, но своим обманом хочет узнать характер своего будущего зятя. Ещё один обряд мы находим в рассказе «Зверь», в котором «зажигали богато убранную елку» [Лесков 1989:41]. В доме поют рождественскую песню «Христос рождается» [Лесков 1989:33]. Также герой и другие дети

разговаривают со священником, который «стал нам разъяснять слова: "славите", "рящите" и "возноситеся"» [Лесков 1989:42]. Таким образом, мы видим, что в доме дяди многие традиции соблюдаются, а также проводятся религиозные беседы на важные темы, приобщают детей к духовным исканиям.

Делая промежуточный вывод, хочется сказать о том, что Лесков меняет традиционное представление о жанре святочного рассказа. О том, что он задумывает переосмыслить жанровую специфику и сделать что – то новое свидетельствует его письмо к Суворину А. С.: «Форма рождественского рассказа сильно поизносилась. <…> Я совсем не могу более писать этой формой. Я Вам попробую прислать описание одного истинного "доброго дела"» [Лесков 1958:406]. Происходит трансформация самого жанра. Изображение традиционных рождественских обрядов уходит на второй план, становится менее выразительным, если не отсутствует вовсе. На первый план выходит путь героя от незнания к знанию, от низменных желаний к нравственному преображению. В каждом рассказе герои получают жизненные уроки, пройдя ряд испытаний. Интересно как интерпретируется в цикле произведений Лескова мотив чуда. Рождение Христа ознаменовалось спасением человечества, началом новой эпохи в мире. Чудо в рассказах писателя происходит, но, как правило, имеет абсолютно реальное объяснение, за исключением рассказа «Маленькая ошибка». Хочется отметить, что благодаря изменению типичных черт святочных рассказов, они становятся более занимательными и легкими для чтения. В своём содержании они соединяют поучительную историю и евангельские мотивы, приобщая читателя к постижению культурных ценностей.

3. 3. Десакрализация рождественских и святочных обрядов в русской литературе второй половины XIX века

3. 3. 1. Традиция украшения рождественской ели в рассказе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Ёлка»

Ещё более радикально, чем Лесков переосмысливает традиции святочного рассказа М. Е. Салтыков-Щедрин в рассказе «Ёлка», входящем в цикл «Губернские очерки». Действие рассказа происходит в канун Рождественского сочельника, времени, когда народ усиленно готовится к празднику Рождества Христова. Место действия обозначено условно как Крутогорск, но мы понимаем, что подобные случаи могли произойти в любом уголке нашей страны. В самом начале произведения повествователь рассуждает о значении рождественской ели в разных местах России: «Не знаю, имеется ли елка в Туруханске, но в Крутогорске она во всеобщем уважении — это факт для меня несомненный. <…> чиновники, которые в Крутогорске плодятся непомерно, считают непременною обязанностью купить на базаре елку и, украсив ее незатейливыми сюрпризами домашнего приготовления презентовать многочисленным Ванечкам, Машенькам, а иногда и просто Ванькам и Машкам» [Салтыков-Щедрин 1988:269]. В XIX веке ели появились в семьях петербуржских немцев, во времена А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова не было традиции украшать рождественскую ель, только в начале 1840-х гг. ёлки вошли в моду. Из приведённого отрывка, можно сделать вывод о том, что ель утрачивает функцию священного дерева, становится предметом коммерческих сделок. Перед нами предстаёт традиционная картина: в доме негоцианта стоит богато украшенное дерево, на котором висят «золотые яблоки и орехи» [Салтыков-Щедрин 1988:270], а дети ждут «знака, по которому елка должна быть отдана им на разграбление» [Салтыков-Щедрин 1988:270]. Традиция украшения ели потеряла свой прежний смысл, заключающийся в том, чтобы отдавать дань умершим предкам. Как известно, с распространением ели в России, стали

устраиваться вечера и «ёлки», которые считались одним из способов демонстрации достатка и богатства хозяев. Богатое и необычное украшение становилось не просто забавой, а делом чести. Исследователь Е. В. Душечкина в одной из работ раскрывает значение праздника «ощипывания ёлки» [Душечкина 2002:58]: она говорит о том, что это необходимо только по той простой причине, что дети долгое время находятся в томительном ожидании, когда дерево готовят к празднику, и опустошение ели нужно для снятия напряжения. К сожалению, поломанное дерево приходилось выносить из залы и выбрасывать во двор. Таким образом, с течением времени сакральное значение ели утрачивается, и она становится способом развлечь детей, а иногда и похвастаться своим материальным положением перед другими.

Рассказчик наблюдает за праздником в доме оптового купца: «несмотря на то что на соборной колокольне только что пробило шесть часов, круглый стол, стоящий перед диваном, ломится под тяжестью закусок и фиалов с водкой и тенерифом» [Салтыков-Щедрин 1988:270]. Строжайший пост заканчивается в сочельник, но до появления первой звезды даже дети не имеют права садиться за стол. Об алкоголе речи быть не может: пьянство приравнивалось к мужеложеству и скотоложеству. Православный человек должен искать спасение в молитве, прошении к Богу, а не в страсти чревоугодия. Кажется, что здесь люди совершенно забыли о том, что главной радостью этого праздника является рождение младенца – спасителя рода человеческого.

Герой-повествователь, не имеющий собственной семьи, бродит по улицам города, мечтая о рождественском чуде или о проявлении милосердия к кому-нибудь. Когда повествователь наблюдает за домом коммерсанта, к нему подходит мальчишка и начинает разговор. В процессе общения выясняется, что бедный мальчик это не маленький жалкий юнец, а вполне рассуждающий человек, который вместо пряников может выпить вина, и по словам М. А. Алякринской «умудреннее жизненным опытом, чем желающий

его облагодетельствовать непрактичный идеалист-взрослый» [Алякринская 2012:270]. Приехав в гости к незнакомцу, мальчишка быстро становится пьян. Отправив юнца домой, герой вновь остаётся в полном одиночестве и его мучает совесть, что он «так дурно встретил великий праздник». И только во сне герой обретает ту истинную, правильную мысль, с которой утром он просыпается: «Господи! дай мне силы не быть праздным, не быть ленивым, не быть суетным!» [Салтыков-Щедрин 1988:276]. Именно эти слова призваны очистить человеческую душу и направить на верный путь.

Показывая оборотную сторону жизни, Салтыков-Щедрин уверен в том, что душа каждого человека способна к воскрешению. Писатель создаёт свой уникальный жанр рождественского рассказа, «вывернутого наизнанку». В «Ёлке» события, происходящие с героем – рассказчиком, помогают прийти к выводу: в жизни русского народа второй половины XIX века во время таких праздников как Рождество Христово и Святки христианские традиции и обряды не соблюдаются или утрачивают своё первоначальное значение.

3. 3. 2. Обряд ряжения в драме А. П. Чехова «Три сестры»

Пьеса «Три сестры» (1900), которая является предметом нашего анализа в данном параграфе, отразила психологию русского человека рубежа эпох. Перед нами предстает семья Прозоровых, живущая в провинциальном городе «типа Перми» (как отмечал Чехов в одном из писем). Героини не удовлетворены жизнью и мечтают вернуться в город своего детства Москву, которая представляется им неким утраченным раем. Ощущение дисгармоничности существования усиливается с появлением в доме новой хозяйки — жены брата Андрея Наташи, недалекой, самодовольной и самоуверенной мещанки.

Во втором действии пьесы показан момент ожидания ряженых, из чего мы можем заключить, что события разворачиваются на святочной неделе, несмотря на то, что прямо об этом не говорится.

Анализируя сцены из романа «Война и мир» и рассказ М.Е. Салтыкова-

Щедрина «Елка», мы говорили, что изображение Святок и Рождества связано с темами дома и семьи. Мотив семьи и отношений внутри неё является одним из ключевых в драматургии Чехова, это можно увидеть в пьесах «Иванов», «Чайка», «Дядя Ваня», «Вишневый сад». «Три сестры» не являются в этом плане исключением. С одной стороны, у Прозоровых есть дом и семья: сестры и брат любят друг друга, в гостеприимном доме проходят домашние посиделки, отмечаются праздники. В первом действии Ольга, придя с работы в гимназии, произносит такие слова: «Сегодня я свободна, я дома, и у меня не болит голова, я чувствую себя моложе, чем вчера» [Чехов 1998:401]. А Вершинин, появляясь в доме, говорит: «Да. Сколько, однако, у вас цветов! *(Оглядываясь.)* И квартира чудесная. Завидую! А я всю жизнь мою болтался по квартиркам с двумя стульями, с одним диваном, и с печами, которые всегда дымят. У меня в жизни не хватало именно вот таких цветов». Но постепенно в процессе развития сюжета мир семьи начинает рушится, во главе дома становится Наталья, Андрей перестаёт верить в себя и всё больше времени проводит за карточным столом. Таким образом, вместо семейной идиллии мы видим то, как постепенно происходит разрушение семейного быта. Сначала распадается семья Прозоровых, потом «дом» утрачивает функцию «оберега», и как итог «счастье» становится иллюзорным.

Мотив разрушения семьи реализуется, в частности, через изображение несостоявшегося праздника. Большую роль в драматургии Чехова, как известно, занимают авторские ремарки, в которых отображены особенности поведения героев и их психологическое состояние. Сообщение Андрея о том, что ряженых не будет, сопровождает ремарка: «сконфуженный». Брат смущён, так как по настоянию его жены Натальи, мотивированном болезнью ребёнка, приходится отменять всеобщий праздник. Так же неуверенно, шёпотом, нянечка сообщает о том, что пришли ряженые. Сёстры возмущены, и это выражается не только в ремарках, но и словах героинь: «Маша. <…> Не Бобик болен, а она сама... Вот! *(Стучит пальцем по лбу.)* Мещанка!» [Чехов 1998:433]. Интересно, что в данном случае ряженые приходят не экспромтом,

их специально приглашают, их прихода ждут. На слова Наташи о том, что появление ряженых не желательно, Андрей неуверенно отвечает: «Право, я не знаю. Их ведь звали» [Чехов 1998:423]. В дальнейшем все персонажи спрашивают, когда придут ряженые и выражают разочарование, узнав, что ряженых не будет. Из этого мы можем судить о том, что несмотря на то, что обряд ряжения к концу XIX века утрачивает свой сакральный смысл, он продолжает вызывать интерес и соблюдается не только в деревнях, но и в среде провинциальной интеллигенции.

Если в предыдущих рассматриваемых нами произведениях картины народных праздников были показаны подробно, то в пьесе обряд присутствует в имплицитном виде. Вряд ли это можно объяснить родовой спецификой произведения. Например, в комедии А.Н. Островского «Бедность не порок», действие которой тоже разворачивается в период Святок, обряд изображен достаточно подробно.

В «Трех сестрах» же на первый план выходит тема несостоявшегося праздника. Вместо праздничного единения, характерного, например, для семьи Ростовых из романа «Война и мир», мы видим разъединение - вместе с ряжеными дом покидают и гости. Исследователь Г. Я. Вербицкая в одной из статей высказывает очень верную, на наш взгляд, мысль: «Нет праздника, нет счастья» [Вербицкая 2009:71].

Делая вывод из всего вышесказанного, хочется отметить, что ритуальное значение народных праздников Рождество Христово и Святок в изображении Чехова утрачивается. Время Святок в христианской культуре ассоциируется с проявлением милосердия к нуждающимся, теплом домашнего очага, у молодёжи – с ряжением, гуляниями и гаданиями. В «Трёх сестрах» наблюдаются совершенно иная картина: дом, полный гостей, оказывается пустым; приход ряженых вместо радости приносит раздор; сострадание ближнему оборачивается ссорами.

Таким образом, анализ рассказа Салтыкова-Щедрина «Ёлка» и драмы Чехова «Три сестры» демонстрирует общие тенденции в подходе писателей к

изображению народных праздников: в обоих случаях мы видим десакрализацию праздника и связанного с ним обрядов.

Постепенно меняется культура, а вместе с ней и литература. В обоих анализируемых произведениях время действия сопряжено с рождественскими праздничными торжествами, которые помогали людям почувствовать единение с родными, приобщиться к соблюдению традиций. Но, как мы видим, ни в одном произведении этого не происходит: в «Трёх сёстрах» вместо праздника перед нами пустой дом, в «Ёлке» герой проявляет милосердие к мальчишке, который имеет больше познаний в жизни, чем он, и не испытывает никакой благодарности к «благодетелю», чем вызывает у него разочарование. Таким образом взаимопонимания не происходит. Здесь главенствующую роль занимает мотив несостоявшегося праздника: в «Ёлке» дети вместо любования священным деревом начинают его уничтожать, а праздничные украшения прятать в карманы; в «Трёх сёстрах» из-за каприза Наташи семья Прозоровых вынуждена прогнать ряженых, которые могли стать центром вечерних посиделок.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ

Последняя глава нашего исследования была посвящена творениям русской литературы второй половины XIX века, принадлежащих к реалистическому направлению (Л. Н. Толстой «Война и мир», Н. С. Лесков цикл «Святочные рассказы», М. Е. Салтыков-Щедрин «Ёлка» и А. П. Чехов «Три сестры»). Изображение сцен народных праздников Рождества Христова и Святок в этих произведениях значительно отличается от того, что мы видим в первой главе. Так, например, нигде не упоминаются нечистые силы, которые активизировались во время святочных гуляний. Только в некоторых рассказах Лескова («Привидение в инженерном замке», «Пугало») есть фантастические элементы, которые впоследствии имеют вполне разумное, реальное истолкование.

Другая черта, присущая этим произведениям, - отсутствие подробного описания обрядов. Несоблюдение традиций приводит и к социальным раздорам: люди перестают замечать главное, существенное в жизни. Таким образом, с изменениями культуры происходит и изменение изображения её в литературе. Обряды перестают обладать магической функцией, она заменяется развлекательной, сохраняя только внешние атрибуты.

В реалистической литературе, изображающей Святки и Рождество, так же, как и в романтической звучит мотив дороги, но все же на первый план выходит мотив дома, который в произведениях Салтыкова-Щедрина и Чехова трансформируется в мотив разрушения дома.

Важное место в литературе второй половины XIX века занимает жанр святочного рассказа, яркие образцы которого представлены в творчестве Н.С. Лескова.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе изучалось изображение народных календарных праздников Святок и Рождества Христова в русской литературе XIX века. Исследовательское внимание было сосредоточено на том, чтобы показать, как меняется восприятие этих праздников людьми с течением времени и как изображаются данные изменения в русской литературе.

Так, в литературе романтизма (баллада В.А. Жуковского «Людмила», рассказ А.А. Бестужева-Марлинского «Страшное гадание», повести Н.В. Гоголя «Ночь перед Рождеством») большое место отводится изображению обрядов, строгое соблюдение которых связано с верой в сверхъестественные силы. В каждом из трёх рассмотренных нами произведений детально описываются несколько обрядов (колядование, ряжение, гадание), сопровождающих святочные вечера.

В творениях второй половины XIX века, относящимся к реалистическому направлению («Война и мир» Л.Н. Толстого, «Ёлка» М.Е Салтыкова-Щедрина, «Святочные рассказы» Н.С. Лескова, «Три сестры» А.П. Чехова), показано, что рождественские обряды утрачивают магическую составляющую. Постепенно происходит десакрализация праздника и забывание его сути. Таким образом, с помощью литературы мы можем наблюдать изменения как в культурной, так и социальной жизни.

Отличительной чертой романтической литературы, изображающей народные праздники, является мотив дороги с присутствием нечистой силы. Так главный герой встречает на своём пути чёрта/беса/лукавого, словно чудесного помощника, как в сказке, и проходит ряд испытаний, которые не сталкивают его с верного пути, а только делают сильнее духом и верой. Например, Светлана видит мертвеца в гробу, кузнец Вакула летит на чёрте в Петербург, а конногвардейский офицер отправляется с лукавым на бал. Каждый из героев проходит этот опасный путь, между жизнью и смертью, добром и злом, и остаётся верен не только себе и своим убеждениям, но и

становится ближе к Богу, переосмысливая произошедшее с ним во сне и наяву. Как известно из поверий, русский народ считал, что в святочные вечера активизируются тёмные силы, которые могут навредить человеку. Поэтому постепенно люди начали пытаться постичь неведомые им стороны

жизни, чтобы в дальнейшем не только передать свои знания будущим поколениям, но и самим преодолеть страх перед неизвестностью.

В произведениях реалистического периода интересующие нас сцены Святок и Рождества возникают в связи с темой дома и семьи. Тема семьи решается в литературе второй половины XIX века различно. В самой гармоничной из толстовских семей – у Ростовых, для которых так значима идея дома, принято отмечать все праздники, тогда как в «Ёлке» М.Е. Салтыкова-Щедрина повествователь может только с улицы наблюдать за чужим праздником, в доме Прозоровых ожидаемого праздника вообще не происходит: ряженых выгоняет жена Андрея Наташа, мотивируя это болезнью ребёнка, и вместо встречи светлого праздника их дом оказывается пустым.

В работе мы рассмотрели произведения на интересующую нас тему, различные в жанровом отношении. Проведенный анализ показал, что жанровая принадлежность влияет на специфику изображения праздника в меньшей степени, чем принадлежность к литературному направлению. Конечно, мы можем сказать, что в эпосе изображение праздников оказывается более детальным, чем в лироэпическом произведении (баллада «Светлана»), где обряд показан с помощью перечисления отдельных деталей, позволяющих читателю самостоятельно воспроизвести в воображении картину святочного вечера. Однако принципиального различия между изображения народных праздников в романе-эпопее, рассказе и повести проведенное исследование не вывело.

Особняком стоит в нашем исследовании творчество Н. С. Лескова, наиболее полно показавшего и раскрывшего жанр святочного рассказа. С одной стороны, святочный (рождественский) рассказ объединяет в себе черты

и романтической, и реалистической литературы, но, с другой стороны, сохраняет свою специфику изображения праздников. Для святочного рассказа характерно содержать «какую-нибудь мораль, хоть вроде опровержения вредного предрассудка, и наконец — чтобы он оканчивался непременно весело» [Лесков 1989:4].

В заключении ещё раз подчеркнём, что анализ литературных текстов должен быть неотрывно связан с изучением культурного, исторического контекста, в котором оно создавалось. И только тогда, собрав по крупицам различный литературоведческий, культурологический материал, можно говорит и делать выводы о различных явлениях культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

I. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Андерсен Х. К. Самые невероятные истории. Сборник/ Пер. с датского А. В. и П. Г. Ганзен; Сост. и предисл. Л. Ю. Брауде. – М.: Сретение. Воскресенье 1992. – с. 304

2. Бестужев-Марлинский А. А. Страшное гадание (сборник)// А. А. Бестужев-Марлинский. – М.:Рипол-классик, 2013. – 253 с.

3. Гоголь Н. В. Ночь перед Рождеством // Полное собрание сочинений и писем в двадцати трех томах / Отв. ред. тома Е. Е. Дмитриева. — М.: Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, «Наследие», 2001. — Т. 1. — С. 149—184

4. Жуковский В. А. Стихотворения. Баллады. – П.: Книжное издательство, 1984. -313 с.

5. Лесков Н.С. Собрание сочинений: в 12-и т., М: Правда, - 1989, - 463 с. – 7 т.

6. Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: в 10-ти т., М: Правда, - 1988 – 544 с. – 1 т.

7. Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 12 т. – М: Правда, - 1987 г. – 4 т.

8. Чехов А. П. Рассказы. Пьесы. – М.: Олимп; ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1998. – 640 с. – (Школа классики).

II. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

9. Алмазов С. Ф., Питерский П. Я. Праздники православной церкви/ С. Ф. Алмазов, П. Я. Питерсий. - М.: Госполитиздат, 1962. – 256 с. с ил.

10. Альбинский В. А., Шумов К. Э. Святочные игры Камско-Вишерского междуречья // Русский фольклор. Вып. XXVI. Проблемы текстологии фольклора. Л., 1991. – С.171-188.

11. Алякринская М. А. Социальный анализ и религиозная проповедь

в «губернских очерках» М. Е. Салтыкова-Щедрина // Научные труды северо-западного института управления. - 2012. - №2. - С. 266-274.

12. Аношкина-Касаткина В. Н. Православные основы русской литературы XIX века/ В. Н. Аношкина-Касаткина – М.: Пашков дом, 2011. – 384 с.

13. Ачитаева Е. А. «Человек и сакральное» в процессах сакрализации, десакрализации и ресакрализации // Альманах современной науки и образования. – 2012. - № 10. – С. 22-24

14. Балдин А. Н. Московские праздные дни: Метафизический путеводитель по столице и её календарю. – М.: Астрель, Олимп, - 2009. — 337 с.

15. Безрукова В.С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). Екатеринбург-2000, 937 с.

16. Белый А. Лев Толстой и культура // О религии Льва Толстого. — М.: Путь, 1912. — С. 142—171.

17. Богодерова А. А. Сюжетная ситуация ухода в творчестве А. П. Чехова // Сибирский филологический журнал. – 2010. - № 2. – С. 29-33

18. Бочаров С. Г. Роман Л. Н. Толстого «Война и мир». - М.: Художественная литература, - 1978, - 104 с.

19. Васильева С. С. Чеховская традиция в русской одноактной драматургии XX века: Поэтика сюжета: Автореф. ... канд. филол. наук: 10.01.01. - Волгоград, - 2002. - 26 с.

20. Вербицкая Г. Я. Народная символика и фольклорные мотивы как проявление взаимодействия эпического и драматического начал в поэтике А. П. Чехова // Театр. Живопись. Кино. Музыка. – 2009. - № 4. – С. 65-73.

21. Волоконская Т. А. Кузнец Вакула в повести Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» как образ «порогового человека» // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. – 2013. – Т. 13, вып. 4. – С. 26–28.

22. Гладкий В.Д. Древний мир. Энциклопедический словарь. М.: 1998 г. В 2-х томах. Т.2 - 478 с. (Серия "Школьная энциклопедия".)

23. Глушкова П. В. Овеществленные компоненты святочного календарного обряда русских как объект нематериального культурного наследия / П. В. Глушкова, Т. И. Кимеева // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2015. – № 30. – С. 113 - 122.

24. Гнедич Н.И. О вольном переводе Бюргеровой баллады: Ленора // Сын Отечества. - 1816. - Ч. 31. - № 27. -С. 3-22.

25. Гоголь Н. В. Письмо Жуковскому В. А., 28 июня (н. ст.) 1836 г. Гамбург // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: [В 14 т.] / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, [1937—1952]. Т. 11. Письма, 1836—1841 / Ред. Н. Ф. Бельчиков, Н. И. Мордовченко, Б. В. Томашевский. — 1952. — С. 48—50.

26. Гончаров С. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте: Монография. — СПб.: Изд-во РГПУ им.А.И.Герцена, 1997. — 340 с.

27. Горбунова Е. В. Истоки и основы десакрализации в искусстве // Проблемы истории, филологии, культуры. - 2015. - №2 (48). – С. 292-296.

28. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х томах/ В. И. Даль. – М.-Спб.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, Том 2, 1881. – 817 с.

29. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х томах/ В. И. Даль. – М.-Спб.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, Том 3, 1882. – 586 с.

30. Дёмина Л. В. Традиционный народный праздник в контексте современной культуры // Вестник ЧГАКИ. - 2011. - №1 (25). С. 103-107.

31. Духовная литература и святочные рассказы: Книга для учителя: Сборник статей / Под ред. В. Е. Кайгородовой; Перм. гос.пед.ун-т. – Пермь, 2005. – 141 с.

32. Душечкина Е. В. Рождественская ёлка // Русская ёлка. История, мифология, литература. — СПб.: Норинт, - 2002, -296 с.

33. Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. М., 1878. - 276 с.- (Тр. Этногр. отд. Императорскаго О-ва Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии при Моск. ун-те; Кн. 5, вып. 2).

34. Жекулина В. И., Розова А. Н. Обрядовая поэзия /Сост., предисл., примеч., подгот. текстов В. И. Жекулиной, А. Н. Розова; Худож. Т. М. Чиркова.—М.: Современник, 1989.—735 с., ил.— (Классическая 6-ка «Современника»).

35. Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия/ М. Забылин – М.: Издание книгопродавца М. Березина, 1880. – 629 с.

36. Западов А. В., Журнал М. Д. Чулкова "И то и сьо" и его лит. окружение, в сб.: XVIII век, т. 2, М. -- Л., 1940.

37. Захарченко М. О. Кодовые предметы в святочных гаданиях на примере литературных текстов. - ГИСДВ, № 4, 2008, с. 75-78

38. Захарченко М. О. Языческие и христианские аллюзии в праздновании русского Рождества на примере рождественских предметов // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. №1, 2008, С. 79-87

39. Зуева Т.В., Кирдан Б.П. Русский фольклор: Учебник для высших учебных заведений. – М.: Флинта: Наука, 2002. - 400 с.: ил.

40. Канунова Ф. З. Жанровое своеобразие ранних повестей А. Бестужева // Ученые записки Томского государственного университета. 1975. № 94

41. Касаткина В. Н. Поэзия В. А. Жуковского: в помощь старшеклассникам, абитуриентам, преподавателям/ В. Н. Касаткина – М.: Самара, 2004. – 112 с.

42. Комова В. А. Дихотомия «столица — провинция» в Российском культурном пространстве // Молодой ученый. — 2014. — №12. — С. 449-451.

43. Кондратьева В.В. Рождество в рассказе А. П. Чехова «бабье

царство»: структура, семантика // Творчество А.П. Чехова: текст, контекст, интертекст. 150 лет со дня рождения писателя. - Ростов-на-Дону: Сб. материалов Международной научной конференции. Ростов-на-Дону, - 2011. - С. 156-161.

44. Лебедева О.А. Метафорические образы в цикле Н. С. Лескова «Святочные рассказы»: двойное оценочное преображение // Вестник МГУП. - 2015. - №2.

45. Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 томах. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958 г. Т. 11

46. Лингвистические средства создания фантастического эффекта в повести А. А. Бестужева-Марлинского «Страшное гадание» (статья). Русский язык в школе, 2012, №10, с.47-54.

47. Литература. 9 кл. Учеб.-хрестоматия для общеобразоват. учреждений. В 2 ч. Ч. 1 / [авт.-сост. В. Я. Коровина и др.]; под ред. В. Я. Коровиной.—12-е изд., перераб. и доп.— М. : Просвещение, ОАО «Московские учебники», 2006.— 369 с. : ил.

48. Макаревич О. В. Репрезентация готической повести в художественном сознании Н. С. Лескова (на примере цикла «Святочные рассказы» 1886 г.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, - 2011, - № 6 (2), с. 389-393

49. Макаренко А. А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении: Восточная Сибирь. Енисейская губерния: С 32 ил. / Алексей Макаренко. - СПб.: Гос. тип., 1913. - VII, [1], 292, [2]; 16 л. ил.

50. Макеева С. Г., Михеенко О. С. Жанры святочного и календарного рассказов и их мотивы. Чтение календарных рассказов духовно-нравственной тематики.

51. Меретукова М.М. Концепцию святочного рассказа как жанровой формы Н. С. Лескова // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2016. - № 3. С. 28-30

52. Потебня А. А. О мифическом значении некоторых обрядов и

поверий / А.А. Потебня – М.:Книга по Требованию, 2012. – 422 с.

53. Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. СПб.: Терра, 1995. 176 с.

54. Русские деятели в портретах/ Издание «Русской старины» - Спб.: Типография В. С. Балашева, 1886. – 192 с.

55. Русский фольклор. Хрестоматия для высших педагогических учебных заведений. сост. Н. П. Андреев, профессор. М.-Л. Учпедгиз. 1936 г. – 496 с.

56. Святая Русь. Энциклопедический словарь русской цивилизации. Составитель О. А. Платонов. – М.: Православное издательство «Энциклопедия русской цивилизации», 2000. – 1040 с., 709 ил.

57. Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым: [в 2 ч.]. [Ч. 1] : Русское народное чернокнижие. Русские народные игры, загадки, присловья и притчи / собр. Сахаровым И. П.; изд. А. С. Суворина. - СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1885. - VIII, 298 с.

58. Славянские древности (Т. 1-5) Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5 тт. (Под ред. Н.И. Толстого). Том 2. М., 1999.

59. Славянские древности (Т. 1-5) Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5 тт. (Под ред. Н.И. Толстого). Том 4. М., 2009.

60. Смирнов В. Народные гадания Костромского края // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып.41. Четвертый этнографический сб. Кострома, 1927.

61. Смирнова Л. А., Соколова Л. В., Федоров В. И. и др. Русская литература XVIII – XIX веков справочные материалы/ Л. А. Смирнова, Л. В. Соколова, В. И. Федоров. – М., 1995.

62. Снигерев И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. – М.: Кучково поле; Специализированный детско-юношеский центр спортивных единоборств, 2011. – 544 с.

63. Старыгина Н. Н. Дарение: от устойчивого рождественского мотива к сквозному мотиву в святочных рассказах Н. С. Лескова // Проблемы исторической поэтики. - 2017. - №4.

64. Старыгина Н. Н. Святочный рассказ как жанр // Проблемы исторической поэтики. 1992. №2. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/svyatochnyy-rasskaz-kak-zhanr-1 (дата обращения: 13.06.2017).

65. Старыгина Н. Н. Локальный текст как форма представленности контекстуального содержания (на материале святочных рассказов Н.С. Лескова) // Диалог культур: поэтика локального текста: материалы V международной научной конференции: в 2-х томах. - Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 2016. - С. 55-64.

66. Старыгина Н. Н. Мотив как средство представления контекстуального содержания в святочных рассказах Н. С. Лескова. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2016, с. 98 – 104.

67. Степанов Н. П. Народные праздники на Святой Руси/ Н.П. Степанов – М.: Российский раритет, 2001. – 240 с.

68. Тиманова О. И. Жанры календарной словесности и русская литературная сказка XIX в // Вестн. Том. гос. ун-та. 2008. № 315. С. 28–35.

69. Тихонова Е. Л. Устные рассказы русских старожилов Бурятии о праздновании Рождества и Святок [Текст] / Е. Л. Тихонова // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. Филология. - 2017. - № 3. - С. 215-223. - Библиогр. в конце ст.

70. Топчий И. В. Кризис веры как тенденция развития культуры Нового времени // Вестник ДГТУ. - 2009. - №4. – С. 255-296

71. Туйгильдина Е.И. способы номинации персонажей в святочных рассказах Н.С. Лескова // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. - 2014. - №4. - С. 85-89.

72. Фатюшина Е.Ю. «Святочная ночь» и «Альберт»: толстовское преломление традиции святочного рассказа // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2014. №4-1. С 285-290.

73. Философия: Энциклопедический словарь / Под редакцией А.А. Ивина. — М.: Гардарики. - 2004. – 1072 с.

74. Черных, А. В. Русский народный календарь в Прикамье. Праздники и обряды конца XIX – середины XX века. Часть IV. Местные праздники / Черных А. В. – Санкт-Петербург: Маматов, 2015. – 256 с.

75. Чичеров В.И. Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI - XIX веков (Очерки по истории народных верований) М.: Изд-во АН СССР, 1957. — 236 с.

76. Шейн, П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-западного края. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1890-1903. Т. 1, ч. 1. Бытовая и семейная жизнь белорусса в обрядах и песнях. 585 с., 4 с. ноты. (Приплетено: Бычков, А.Ф. Отчет о деятельности второго отделения Императорской Академии наук за 1886 год. СПб., 1887. 24, 34 с.)

77. Шкапа Е. С. К вопросу о типологии святочных рассказов Н. С. Лескова // Летняя школа по русской литературе. - 2012. - №1. - С. 343-352.

78. Шкловский В. Б. Заметки о прозе русских классиков: о произведениях Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Тургенева, Гончарова, Толстого, Чехова / В.Б. Шкловский. – Москва: Сов. писатель, 1955. – 458 с.

79. Шулятиков В. М. Певец «лилейной» надежды/ В. М. Шулятиков// Курьер. – 1902. - № 101.

Приложение 1

Методические рекомендации по изучению изображения календарных народных праздников в русской литературе в школе.

Своё отражение календарные народные праздники нашли во многих произведениях русской литературы. Как нам кажется, наибольшее внимание писателей было приковано именно к праздникам, которые проходили в период Святок и Рождества Христова. Поэтому изучение такой литературы может происходить в разных направлениях: могут отдельно рассматриваться как произведения романтического, так и реалистического контекста; каждое отдельное художественное творение может быть рассмотрено в рамках творчества писателя.

Изучение романтической литературы, изображающей Святки и Рождество, целесообразно проводить на уроках внеклассного чтения в 9 классе именно в период зимних праздников или в рамках мероприятия «Неделя русского языка и литературы». В 9 классе ребятам уже известна баллада В. А. Жуковского «Светлана» и повесть Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством», сказки Н. С. Лескова, поэтому для наиболее полной картины представления праздников можно дать задание вспомнить содержание произведений и принести тексты на урок.

Урок внеклассного чтения по теме: «Святочные вечера и Рождество Христово».

Цели:

- познакомить учащихся с русскими народными традициями, выявить традиционные русские обычаи и обряды в период данных праздников;

- найти в данных произведениях обычаи и обряды святочных дней, а также характерные черты романтической и реалистической литературы;

- воспитывать новое, нестандартное видение мира, пробуждающее школьников переосмыслить не только литературный процесс, но и

сопоставить его с реальной действительностью.

Ход урока

Встаньте и пойдите
В город Вифлеем;
Души усладите
И скажите всем:
«Спас пришел к народу,
Спас явился в мир!
Слава в вышних Богу,
И на земли мир!
Там, где отдыхает
Бессловесна тварь,
В яслях почивает
Всего мира Царь!»
Афанасий Фет

1. Знакомство с историей праздника, обрядами и обычаями, сопровождающими его.

Учитель: Здравствуйте, ребята! Сегодня мы с вами поговорим о таких народных календарных праздниках, как Святки и Рождество Христово. Уже более двух тысяч лет прошло с того момента, когда на Земле в городе Вифлееме, в Иудее родился спаситель рода человеческого – Иисус. Первая на небе звезда над городом возвещала о его рождении. Каждый из вас знает, какую непродолжительную, но трудную, полную невзгод и разочарований прожил жизнь этот человек, сколько прошёл испытаний и не отказался от своих убеждений. Рождество Христово празднуется в нашей стране, как и во всём мире, в виде некой дани памяти тому, кто отдал свою жизнь во имя каждого из нас. Постепенно Рождество стало праздноваться с нехристианскими Святками, которые впоследствии не только не утратили своего значения, но и обрели христианские черты. К сегодняшнему уроку некоторые из вас получили дополнительное задание в виде доклада на 2-3

минуты. Давайте послушаем ребят и запишем ключевые моменты каждого доклада, т.к. это вам пригодится для дальнейшей работы с текстами.

Пара № 1: доклад «Гадание как неотъемлемая часть посиделок».

Пара № 2: доклад «Колядование и поиски Коляды».

Пара № 3: доклад «Ритуальная пища в рождественские вечера».

Работа слушающих: записать основные черты обряда, внимательно слушать, задавать вопросы докладчикам.

Учитель: Про какие обряды вы ещё слышали и можете нам рассказать? В чём заключается их смысл? Учащиеся дополняют доклады одноклассников.

2. Заполнение таблицы по текстам, выявление особенностей каждого из них.

Учитель: Вы сейчас прослушали очень информативные доклады, которые помогут вам при заполнении таблицы. Мы с вами уже изучали балладу Жуковского «Светлана» и повесть Гоголя «Ночь перед Рождеством», а вот рассказы Лескова «Зверь» и «Пугало» вам нужно было прочитать дома. Поэтому сейчас мы узнаем, кто из вас освежил в памяти произведения, может кто-то перечитал, а кто – нет. Не забывайте о том, что вы должны не только перечислить какие-то явления, но и обязательно привести примеры и обосновать свой выбор. Время выполнения задания: 7 минут, 3 минуты на выступление.

Учащиеся делятся на группы по 4-5 человек, получают своё задание. Например, 1 группа Жуковский и Гоголь и обряды в их произведениях, 2 группа Жуковский и Гоголь символы и их значения и т.д.

критерии	В. А. Жуковский «Светлана»	Н. В. Гоголь «Ночь перед Рождеством»	Н. С. Лесков	
			«Зверь»	«Пугало»
обряды				
символы и их значения				
черты романтической/ реалистической литературы				

3. Представление каждой группы результатов.

Одни учащиеся выступают, другие фиксируют недостающую информацию у себя в таблицах.

В конце урока таблица должна примерно выглядеть так (без примеров):

критерии	В. А. Жуковский «Светлана»	Н. В. Гоголь «Ночь перед Рождеством»	Н. С. Лесков	
			«Зверь»	«Пугало»
обряды	-гадание -пение подблюдных песен	-колядование -употребление ритуальной пищи	-украшение ели -беседа со священником	-«кровожад. чародей» и его связи с нечистой силой
символы и их значения	-зеркало -ворота -молитва	-звезда -мешок -чёрт и ведьма	-медведь -рождественская ель	-снежная буря -пугало
черты романтической/ реалистической литературы	-двоемирие (сон и реальность) -нечистые силы	-нечистые силы -нравственное преображение героя	-мораль -отношения между людьми на 1 плане	-мораль -отношения между людьми на 1 плане

4. Подведение итогов урока.

Учитель: как мы понимаем, со временем меняется не только проведение самих праздников, но и изображение их в литературе, это видно по нашей табличке, которую вы заполнили все вместе. А теперь я предлагаю вам написать небольшое сочинение, состоящее из 1-1.5 страниц, в котором вам нужно ответить на вопросы: Как праздники Рождества Христова и Святок отмечаются в вашей семье? Какие обряды соблюдаются, а какие – нет? Что нового вы услышали сегодня на уроке?

Для наиболее полного ответа на данные вопросы эту работу можно дать в качестве домашнего задания.

Приложение 2

Сопоставительная таблица романтических произведений, изображающих Рождество Христово и Святки.

Критерии для сопоставления	**В. А. Жуковский «Светлана»**	**Н. В. Гоголь «Ночь перед Рождеством»**	**А. А. Бестужев – Марлинский «Страшное гадание»**
Год создания произведения	1808 - 1812	1830 - 1832	1830 - 1831
Где происходят события, описанные в произведении	Неизвестно, но мы догадываемся по тексту, что где-то в глубинке России, об этом нам говорят цитаты: «Раз в крещенский вечерок». Также мы понимаем, что действие в балладе условно делится на две части: 1 – реальность, 2 – сон («Ах! ужасный, грозный сон!»).	«В Диканьке никто не слышал, как черт украл месяц». Как мы знаем, Диканька – это посёлок, который находится на Украине. «Ночь перед Рождеством» входит в книгу «Вечера на хуторе близ Диканьки», в которой все действия в основном происходят на Украине. Из самого произведения также узнаём, что кузнец Вакула отправляется в Петербург («вдруг заблестел перед ним Петербург весь в огне»).	«О самых святках полк наш получил приказание выступить в Тульскую губернию». Дальше мы узнаём о том, что герой отправляется на бал к князю Львинскому, но попадает на сельские посиделки. Рассказ делится на две части: 1 – реальность 2 – сон («все виденное мною был только сон, страшный, зловещий сон!»)
Как изображены тёмные силы, в каком образе	«Оглянулась…милый к ней Простирает руки», «друг молчит, Бледен и унылый», «Ворон каркает: печаль!». Жених, которого так ждала Светлана, оказывается мертвецом. Тёмные силы показаны во сне девушки, весь сон её – это путешествие с любимым. Здесь преобладают	В повести видим уже другую картину: тут и «черт крался потихоньку к месяцу», и «поднялась ведьма верхом на метле». «Чертовщина» преобладает над христианским. Всё здесь бесовское: и сам чёрт и его превращения в коня, и ведьма, и	В рассказах молодцев встречаем упоминания о русалках, оборотнях, мертвецах. Мертвец условно выходит за рамки повествования и даже заглядывает на посиделки. Главный герой встречает незнакомца, которого спрашивает «бес ты или человек», потому что тот знает самое

	христианские мотивы, это мы понимаем, когда Светлана «Пред иконой пала в прах, Спасу помолилась».	волшебный полёт в Петербург.	сокровенное о герое.
Используются ли какие-то рождественские песни или нет?	В начале баллады читаем про то, как девушки собираются гадать и поют «песенки подблюдны». Толковый словарь Даля даёт такое определение: подблюдные песни – это песни, кои поются женщинами при гаданьи, о святках. Можно ещё заметить такую особенность – здесь в гуляниях участвуют исключительно девушки.	«Как бы хорошо теперь лежать…и слушать сквозь упоительную дремоту колядки и песни веселых парубков и девушек». Здесь гуляют как парни, так и девушки.	На сельских посиделках герой становится свидетелем того, как молодёжь поёт подблюдные песни. В гуляниях участвуют парни и девушки, молодые и старые.
Показывают ли авторы нам тексты этих песен? Примеры.	Девушки поют песню только при гадании, когда зовут погадать с собой Светлану. Гадание с блюдом считается самым «беспроигрышным», потому что каждый участник его обязательно узнает о своём будущем. Как правило, такие песни поются в иносказательной форме. «Что, подруженька, с тобой? Вымолви словечко; Слушай песни круговой; Вынь себе колечко. Пой, красавица: „Кузнец, Скуй мне злат и нов венец, Скуй кольцо златое; Мне венчаться тем венцом, Обручаться тем	Молодые люди и девушки поют песни при колядовании: «Щедрик, ведрик! Дайте вареник, Грудочку кашки, Кільце ковбаски!». Колядки традиционно состоят из трёх частей: 1) Поиски Коляды; 2) Восхваление хозяев дома; 3) Просьба об угощении или, наоборот, угроза, если хозяева не хотят давать гостинцы. Здесь стоит заметить, что колядка состоит только из последней части, в которой колядующие требует от хозяев	«Слава богу на небе, Государю на сей земле! Чтобы правда была Краше солнца светла; Золотая ж казна Век полным-полна! Чтобы коням его не изъезживаться, Его платьям цветным не изнашиваться, Его верным вельможам не стареться! Уж мы хлебу поем, Хлебу честь воздаем! Большим-то рекам слава до моря, Мелким речкам - до мельницы! Старым людям на потешенье, Добрым молодцам на услышанье. Расцвели в небе две радуги, У красной девицы две радости, С милым другом

	кольцом При святом налое“»	угощений.	совет, И растворен подклет! Щука шла из Новагорода, Хвост несла из Бела озера; У щучки головка серебряная, У щучки спина жемчугом плетена, А наместо глаз - дорогой алмаз! Золотая парча развевается - Кто-то в путь в дорогу собирается».
Какие показаны гадания	Как мы знаем, девушки очень любили Святки, так как была возможность погадать и узнать суженого – ряженого. "За ворота башмачок, Сняв с ноги, бросали; Снег пололи; под окном Слушали; кормили Счетным курицу зерном; Ярый воск топили" Гадание с зеркалом занимает центральное место в балладе.	В данной повести гадания не показаны.	В рассказе показаны два гадания: 1) с петухом, который должен был клюнуть в одну из кучек с овсом и ячменём; 2) чаша с кусочками наговорным хлебом, углём и пр. Также вскользь упоминается гадание с зеркалом. В центре внимания находится «страшное гадание», которое являются сюжет составляющим.
Символы и их значение.	Зеркало: «зеркало с свечою», «в чистом зеркала стекле», «к зеркалу садится». Зеркало символизирует истину, мудрость, душу, отражение сверхъестественного и божественного. Зеркало является неким проводником в другой, зазеркальный мир. Очень немаловажно, что героиня смотрит в него до и после сна. Ворота: «за ворота башмачок», «в ворота тесовы», «у ворот их	Звёзды: «Глянули звёзды», «там звезды, одна за другою», «хрустальными звездами». Звезда является символом чистоты и света. Они появляются ночью на небе и помогают бороться с силами тьмы. Мешок: «выключая только мешки», «мешков не тронула», «Толпы парубков и девушек показались с	Бал: «уговаривали возвратиться на бал», «сельский бал». Бал символизирует другой мир, отличный от повседневности. На балу люди могли назначать тайные свидания со своими возлюбленными, что и подтверждается действием рассказа. Вода: «обледенелую прорубь», «утонуть в проруби», «к Черному озерку». Символика воды очень разнообразна.

	санки ждут». Ворота – это вход в некое скрытое помещение. Они являются средством перехода из одного мира в другой. Молитва: «я молюсь и слёзы лью!», «в дверь с молитвою стучит», «спасу помолилась». Молитва – символ веры человека в высшие силы. Когда Светлана находится в ситуации неизвестности и страха, она начинает усердно молиться, тем самым пытается спасти себя от злого духа. Крест: «вот перекрестилась», «и с крестом своим в руке». Крест является главным символом христианства. Каждый крещеный человек носит его на своём теле. Но нательный крестик не имеет никакой спасительной силы сам по себе, он способен спасти вашу душу только, если вы верите в Бога искренне и не имеет сомнений в своей голове. Сон/сновидение: «Ах! Ужасный, грозный сон!», «Что же твой, Светлана, сон», «Здесь несчастье – лживый сон», «Все в глубоком, мертвом сне». Сон является тоже неким символом перехода из одного мира в другой, из реальности в ирреальность. Чаще	мешками». Мешок символизирует безвыходность, скрытность, беспомощность. И вправду, в повести Солоха, не зная куда девать своих ухажеров, каждого по очереди отправляет лезть в мешок. Через некоторое время мешков не остается и приходится мужичков садить в те мешки, которые уже заняты. Это придаёт ситуации комичность. Черт: «хитрый черт не оставил своих проказ», «черт украл месяц». Черт – слуга дьявола, олицетворяет зло и нечисть. В произведении мы видим, как он крадёт месяц, тем самым мстит не только кузнецу Вакуле, но и всем жителям Диканьки. Ведьма: «поднялась ведьма верхом на метле», «ведьма набрала их (прим. звезды) полный рукав». Ведьма – женщина, которая вступила в союз с нечистой силой. Можно даже сказать, что она работает с чертом заодно. Так, например, пока черт крадет месяц, она набирает	Вода – это способ очищения, преображения человека. Вода даёт жизнь всему живому. Незнакомец: «неизбежного незнакомца», «незнакомец вел нас как домашний», «чудный незнакомец». Для нас незнакомый человек всегда является неким сигналом к опасности, предостережением. В рассказе, благодаря незнакомцу, главный герой узнаёт своё возможное будущее и прекращает все связи с возлюбленной. Ветер: «ветерок разнёс пар», «ветер проницал меня насквозь», «потянул ветерок». Ветер – это символ изменений, преобразований, перерождений. Возможно, он указывает на появление какого – то духа, сопровождающего героя в его путешествиях. Сон: «мутный сон», «страшный, зловещий сон». Также, как и в балладе «Светлана», здесь сон символизирует переход героя из одного мира в другой. Благодаря страшному сну, герой перерождается,

	всего, нам снится то, о чём мы думали в последнее время. Вот так и героине баллады снится её жених, который оказывается мертвецом. А также «Ах! ...и пробудилась», «Счастье – пробужденье».	полный рукав звезд.	понимает возможные последствия его тайной связи и порывает эти отношения.
Образ дороги	«Едем!» Как уже говорилось, действие происходит на границе дня и ночи, добра и зла, явью и былью. Светлана видит степь, луну, вьюгу, когда едет вместе с женихом в церковь. Благодаря тому, что она видит по дороге, возможно окунуться в атмосферу таинственности и опасности, которую ощущает главная героиня. Девушка мчится в мир тёмных сил, но её спасает «голубочек белый», который является её ангелом – хранителем.	«-В Петембург, прямо к царице!». И с этими словами кузнеца, черт «повез» его за черевиками. По дороге в Петербург «много ещё дряни встречали они»: и черты, и колдуна, и метлу ведьмы. Следует заметить, что действие происходит ночью. Поэтому оживление нечисти неудивительно. Необычен тот факт, что черт нес кузнеца ещё и обратно, хотя известно, что они были врагами.	На протяжении всего рассказа герой находится в движении, в пути. «Я сел, - катай!» С такими словами он отправляется на бал, для того, чтобы в последний раз увидеться с возлюбленной. Это действие происходит в реальном времени. «Вожжи натянулись, и как стрела…полетел иноходец по льду озера» - такими словами начинается вторая попытка героя попасть на бал, но, как мы узнаем, всё это было только в его сне.
Финальная сцена	В конце баллады Светлана встречает своего жениха, целого и невредимого. Героиня обретает счастье, молодых людей ожидает свадьба и долгие годы радостной семейной жизни.	Кузнец достаёт те заветные черевики, но Оксана уже согласна выйти за Вакулу и без них. Повесть заканчивается тем, что Вакула и Оксана поженились и живут счастливо в «размалёванной хате».	После путешествия и череды страшных преступлений (убийство мужа Полины) герой просыпается на кладбище и понимает, что всё, что происходило с ним – быль.